

Келли
Эндрю

Меню
тьмы

+18

Келли Эндрю
Шепот тьмы
Серия «Милые ужасы»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69222535

Келли Эндрю. Шепот тьмы: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-153870-5

Аннотация

Пугающая и атмосферная история о глухой девушке, которая оказалась между двух миров... и темной силе, которая может разорвать оба мира на части...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
1	6
2	18
3	27
4	35
5	46
6	59
7	70
8	81
9	91
10	101
11	108
12	116
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Келли Эндрю

Шепот тьмы

Kelly Andrew

THE WHISPERING DARK

Печатается с разрешения литературных агентств Adams Literary и Andrew Nurnberg

Copyright © Kelly Andrew, 2022

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Зимина О., Евдокимова В., иллюстрация на обложке

© Хуако Д., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

«Захватывающая, сказочная история о самопожертвовании, любви и одержимости».

КАССАНДРА КЛЭР,

автор бестселлера № 1 по версии New York Times

* * *

Для всех, кто знает, что такое чувствовать себя одиноким в толпе или черпать утешение в

дневных грезах

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воскрешение колтона прайса

*Врата ада открыты днем и ночью;
Спуск плавный, и путь легкий:
Но вернуться и увидеть веселье небес,
В этом труд и задача могучая.*

Вергилий, «Энеида»

1

Делейн Майерс-Петров не была хрупкой как стекло, но иногда ей казалось, что это не так. Раннее сентябрьское утро было солнечным и теплым, на широкую зеленую площадь Хау падали тени от тонких саженцев деревьев. Над головой простиралось покрывало нежно-голубого неба, заполненное пушистыми облаками. Делейн совсем не чувствовала, что она на волосок от нервного срыва, но ее родители смотрели так, будто это сейчас произойдет.

Ее родители, которых она несколько раз просила остаться дома. Родители, которые так и не научились слушать, хотя у них со слухом все было в порядке. Родители, которые решительно проигнорировали ее просьбы и пришли на первый

день занятий. Выглядели они удушающе не к месту рядом с дорогим зданием, выстроенным из опалено-красного кирпича, обвиваемого плющом. Они стояли с плакатом, на котором написали ее имя.

Лейни, мы тебя любим!

Надпись была сделана жирными черными буквами на бумаге цвета розовой жвачки. Ощущения от этого события, как и от всех событий в ее жизни, были невероятно унижительными. Несколько студентов показывали пальцем на плакат. Ее мама, сидящая под тонкими ветками молодого вяза, как будто совсем не замечала, что происходит вокруг. Располагающийся рядом с ней отец Делейн совсем не вписывался в обстановку: руки в татуировках, волосы убраны назад, в бороде заметны серебристые волосы. Выражение лица такое, будто сейчас его будут фотографировать в полицейском участке за правонарушение. Студенты на тропинке, замечая его хмурый вид, пытались держаться от него как можно дальше, насколько это вообще было возможно. Делейн была готова поспорить: губы отца были так сильно сжаты только потому, что он прилагал все свои силы, чтобы не расплакаться.

Неся на плече свою сумку и проглатывая гордость, она как можно незаметнее помахала на прощание родителям. И пока Делейн шла, она старалась не наступать на тени, отбрасываемые на асфальт, словно маленький ребенок, который перепрыгивает через расщелины на плитках – «На трещину встанешь, маме спину сломаешь». С каждым шагом в ее го-

лове все громче проигрывалась детская считалочка. Родители поддерживали ее так, будто они зрители на стадионе Фенвей. Тени охлаждали и омрачали. Она все меньше чувствовала себя студенткой, которая только поступила в колледж, больше, как ребенок, идущий в детский сад с ланч-боксом в руках.

Это было, как она полагала, прогулкой по краю длинной темной полосы, сложно было винить ее родителей. Хрупкая и часто болеющая, она побывала на волосок от смерти еще до того, как научилась читать. Девочка попала на больничную койку, где мигал свет и шумели приборы, она вынырнула из каталептической темноты, только чтобы узнать, что слух больше не вернется. Делейн осталась наедине с тишиной в своей голове, с шепотом теней у ее ног и отчетливым ощущением, что она разбита внутри.

И с каждым тихим днем с тех пор к ней относились сугубо бережно, как к хрупкой посылке.

Она была честна сама собой, никто никогда не ожидал, что Делейн Маейрс-Петров пойдет в колледж. Доход ее родителей был скромен: таким можно оплачивать свет, а не покрывать оплату за обучение. Свободные духом, они проводили свои вечера, бронируя места на выступлениях устной поэзии в местных инди-площадках, а дни – отвозя Делейн к Волденскому пруду, чтобы она попрыгала по камням у воды. Они не вдумывались в смысл таких вещей, как капитализм, складывание постиранного, чистого, выглаженного белья и

научные учреждения.

Маленькая, хрупкая Делейн как яблоко не просто далеко упала от яблони семейного дерева. Ее яблочко было подобрано пасущимся оленем и перенесено через поля и луга, оставлено далеко-далеко. Пока ее родители отрицали саму концепцию высшего образования – «Это просто дорогой кусок бумаги, Лейни. Он тебя не определяет», – большего она не хотела. Она хотела планов, свободы и обещанных возможностей, которые можно было получить от высшего образования.

Хотела получить шанс, чтобы доказать, что она не сделана из стекла, она гораздо крепче этой материи.

Она хотела, чтобы ее что-то определяло. Не невозможность слышать и тишина в ее голове, не страх темноты – она желала, чтобы ее определяли ее достижения. Не то, что она неспособна сделать, а то, чего она добилась.

Поэтому в ту минуту, как ей стукнуло восемнадцать лет, она зашла в интернет и подала заявку на стипендию. Вступительные экзамены были сложными и заняли целую неделю. Они оценивали психическое и физическое состояние, индивидуальные способности, а также нужно было заполнить много разных зловещих форм. Как только были обработаны результаты, они помогли определить ее место и на каком факультете ей бы было лучше всего учиться.

А нужная финансовая поддержка пришла с одним нюансом. Ее обучение будет полностью спонсировано при усло-

вии, что она согласится учиться на факультете, на который ее распределят.

Родители Делейн явно сомневались в принятии ее решения, но у них было отвращение к дисциплинарным разговорам, а это означало, что они никогда бы не стали вмешиваться и навязывать свое мнение. «Лейни, – говорили они, – если диплом – это все, что ты хочешь, существует множество онлайн-программ с доступной нам оплатой. Кроме того, они будут удовлетворять все твои потребности. Там нет никакой планки. Тебе ничего и никому не нужно доказывать».

Но Делейн хотела доказывать.

Не только другим людям, но и себе. Всю ее жизнь к ней относились бережно, отгораживали и отдаляли от внешнего мира как предмет, который поставили на самую высокую полку, но Делейн не хотелось быть им и собирать пыль. Стекло, как она знала, было ужасно легко сломать, но давление, которое оно могло выдержать, было огромным. Она хотела узнать, каков лимит ее возможностей, даже если для этого нужно было получить пару швов. Делейн хотела получить шанс начать все сначала и самой определять, какая она, быть кем-то другим.

Кем-то, кто бы смог покорить мир в одиночку.

Кем-то, кому было бы не восемнадцать, кем-то, кто бы не боялся темноты.

В первый день экзаменов она и еще три сотни полных надежды абитуриентов провели утро запертыми в эхо-камере

публичной школьной гимназии. Она ощутила, как она часто это чувствовала в больших пустых пространствах, как по спине вниз побежали мурашки, а в глазах начало темнеть.

Ее плохой привычкой была персонализация темноты. Она представляла ее беспокойной, такой, какой была Делейн, когда ей было немного одиноко и не хватало друзей. Она боялась того, как темнота притягивала ее взгляд, как она накрывала ее, словно прилив. Пока наблюдатель объяснял правила, которые она не могла слушать, девушка царапала себя остро наточенным карандашом и прикладывала максимум усилий, чтобы не тарачиться на темные уголки комнаты, в которой она сидела.

На второй день тестирований поступающих по одному вызывал маленький мужчина в крохотную комнатку, где их усаживали на стул из полипропилена со сломанными ножками. Там темнота веяла холодом и была ужасно близко. Ее ноги утонули в ней, как в неглубоком маленьком бассейне. Темнота обвила ее, как счастливая кошечка.

«Привет, – в ее воображении поздоровалась с ней темнота. – Привет, привет».

Интервьюер напротив нее пристально рассматривал Делейн и задавал ей кучу никак не связанных вопросов. Делейн расположилась на краю стула и прилагала все усилия, чтобы читать по губам, которые располагались под бахромой усов. Она ударила себя за мысли о мурчащих тенях.

На третий день Делейн решила сменить свой тупой ка-

рандаш на острозаточенный, когда наблюдательница назвала ее имя: «Делейн Майерс-Петров? – Несколько любопытных студентов подняли свои головы. – Выйдите со мной в коридор». С горящими ушами, она проследовала за тощей женщиной из спортивного зала в ментолово-зеленый коридор, где колоннами стояли шкафчики для вещей. Хлопок пожарных дверей заставил ее заскрипеть зубами.

«Собирайте свои вещи, мисс Майерс-Петров, – сказала наблюдательница. – Здесь вам больше делать нечего».

Исключение было, как удар исподтишка. Делейн очень хотелось дать сдачи. Она была готова сопротивляться. Но ее воспитывали не для того, чтобы идти до конца, она последовала указу наблюдательницы и вернулась в аудиторию, где забрала свои вещи. В тот день она лежала в кровати и прокручивала в голове все свои действия, пытаясь понять, где же она совершила ошибку. Когда сгустились сумерки, она почувствовала, как темнота в ее комнате укоризненно цокнула ей, а глубоко в груди начал надуваться шарик из стыда.

Может быть, она неправильно ответила на вопрос.

Может быть, им не нужна абитуриентка, которая не может слышать.

А может, они подумали, что она слишком странная, девушка, которая сторонилась темноты.

А затем. Затем. В одно ничем не примечательное утро вторника Делейн нашла письмо в почтовом ящике. Это был конец апреля, влажные дни тянулись бесконечно. Она заби-

лась в уголок рядом с почтовым ящиком, с онемевшими от переживаний пальцами, и оторвала треугольный клапан конверта с надписью «Комитет грантов и стипендий», с печатью и подписью.

Мисс Делейн Майерс-Петров,

Поздравляем вас с великолепными результатами проделанной работы. Вы являетесь обладателем нашей стипендии для нуждающихся студентов. Благодаря вашим уникальным способностям комиссия решила, что ваши таланты лучшие всего пригодятся на кафедре неoантропологии. В связи с этим вы приняты в университет Хау школы Годбоула на факультет неoантропологических наук. Стипендия будет направлена напрямую в университет, она может быть использована только для оплаты учебы, налогов и покупки учебников.

Ожидаем вас увидеть утром первого сентября в здании Годбоула, аудитория Б. Более подробную информацию о вашем зачислении можно прочитать на студенческом портале. Пожалуйста, при входе на сайт прикрепите документы, удостоверяющие личность. Если у вас остались какие-либо вопросы, пожалуйста, свяжитесь с отделом кадров, номер указан ниже.

В конце письма была подпись члена совета директоров. Долгое время после прочтения письма она стояла под до-

ждем. Делейн слышала о Годбоуле, все о нем слышали. Это была невероятно престижная, но довольно-таки противоречивая программа для тех, кто увлекался оккультизмом.

Это все обман и дымовая завеса, – гласил комментарий под слитым видео, где студент Годбоула скользил между мирами. – Любой человек, имеющий ноутбук, может понять, что это монтаж. Эти студенты участвуют в мошенничестве.

Видео выглядело, как сцена из сериала «Сумеречная зона». На другом видео студент стоял прямо и уставился куда-то за камеру, ожидая подачу сигнала. Затем он кивнул и сделал шаг вперед. В этот момент его проглотило небо. Воздух раздвинулся перед ним, словно вода. Студент больше не появлялся.

«Уникальные способности» – так было написано в ее письме.

Люди использовали много прилагательных, чтобы описать Делейн все ее восемнадцать молчаливых лет. Бедненькая Делейн, которая стала больной в слишком раннем возрасте. Трусливая Делейн, все еще спит с включенным светом. Хрупкая Делейн, которой постоянно нужна нянька.

Но способная Делейн – это было что-то новое. Ей подходило это, как будто бы новенький свитер, который как раз ей по размеру.

И вот в один восхитительный день в сентябре она собрала

свои вещи и ушла. Она ушла покорять мир и, может быть, кого-то еще. Доказывать, что она может все.

Делейн глубоко вдохнула и сделала шаг вперед, тень последовала за ней.

Университет выглядел как все, что она хотела. Сентябрь был создан для реализации, как кирпичи и книги, как новые начинания. Запах в сентябре был прекрасным: свежескошенная трава и петрикор, кофейная гуща и ваниль, а также едва заметный осенний аромат кислых яблок.

На дальнем краю площади возвышалось здание Годбоула. Внушительный стеклянный монолит, сверкающий на свету, как бриллиант, – структурное несоответствие среди аккуратных рядов кирпича, увитого плющом.

Даже здесь ирония не покинула ее. Стеклянная девочка, предназначенная для стеклянного дворца.

Прохлада ранней осени исчезла, как только Делейн переступила порог. Фойе было оформлено в минималистичном стиле и предназначено для эстетики. В центре комнаты на гладком мраморном стенде возвышалась бесцветная цветочная композиция из каплевидных гиацинтов.

За окном начало опускаться солнце. Каждый стук ее ботинок по линолеуму раскалывал пространство поразительным шумом, словно раскат грома, и она, как всегда, не знала, усиливается ли звук только ее кохлеарным имплантом, или же все вокруг слышат это.

К счастью, поблизости, похоже, никого не было, только

Делейн Майерс-Петров и бесконечная ослепительная белизна. Она не была уверена, нравится ли ей это. Остальная часть кампуса выглядела как старые деньги и книги, кирпич, плюш и ностальгия. Но Годбоул выглядел как будущее. Он выглядел как январь: мрачный и суровый.

Делейн завернула за угол, провожая взглядом свое отражение в стекле: высокие косички бледно-персикового цвета, черная блузка, обрамленная белым воротничком baby-doll, все в стиле панк и пастель. «Громкий», – как-то назвала ее наряд женщина, чье имя начинается на «Т». Громкий, чтобы компенсировать непреодолимую тишину. Если она была одна, это означает, что она опоздала, а опаздывать она не любила.

Впереди находилась пара лифтов, двери одного из них плавно закрылись. Делейн все хуже видела фигуру внутри – серый свитер и бордовый галстук, аккуратный блеск каштановых кудрей. Одиноким выразительный взгляд встретился с ее глазами через тонкую щель.

– Эй – крикнула она, ускорив шаг. – Можете придержать...

Двери с грохотом закрылись как раз в тот момент, когда она остановилась, еще немного – и они зажали бы ей нос.

– Придурок, – сказала она металлическим дверям и нажала на кнопку большим пальцем. Один, два, три раза для большей надежности. Делейн отступила назад, чтобы подождать, пока другой лифт спустится с пятого этажа, ощущая,

как мимо нее стремительно пролетают секунды.

К ее полному ужасу открылся первый лифт. Внутри стоял незнакомец. Он прислонился к стене, опершись руками о поручень, круглый циферблат его часов мерцал на свету. Под глазами цвета кофе виднелись темные круги, ровный нос, лицо обрамляли бледные выдающиеся скулы. Его рот был похож на кинжал, он не улыбался. Тени прижимались к нему так, что казалось, будто они голодны – у них были зубы, а он был чем-то вкусным. Как будто все в нем притягивало тьму. Брови незнакомца сошлись при виде нее. Он выглядел, как ей показалось, удивленным.

– Лейн, – сказал он.

2

В день, когда Колтон Прайс воскрес из мертвых, он открыл глаза и увидел, что на него смотрит маленькая девочка. На дворе стояла вторая половина марта, белое небо было окаймлено деревьями. Девочка склонилась над ним, солнечный свет стекал по ее косам. В ее руке в варежке был зажат плоский камень, приготовленный для катания.

Он задыхался от холодного, грязного воздуха. Грязь, засасывая, тянула его за одежду. Вода из пруда липла к его коже. «Тише, – говорил он. – Тише. Тише. Тише.» Он не понимал: когда он умер, пруд был замерзшим. Зимняя толща, но не настолько плотная, чтобы выдержать вес двух мальчиков на коньках.

Пока он лежал на берегу, чувства медленно возвращались в его тело. Болела челюсть. Это была тупая, бьющаяся в сердце боль, которая усиливалась, когда дул ветер. Он был мертв. Он был мертв. В девять лет он мало что знал о смерти, но он узнал ее, когда она пришла за ним. Его сердце замедлялось, пока окончательно не остановилось. Он заметил, как потемнело в глазах.

Но сердце билось, стучало под его костями. И была маленькая девочка, излучающая радугу. Радужные чулки. Радужные варежки. Радужные бантики. Он был жив, жив, жив, а девочка смотрела на него глазами совы, пристально и по-

дозрительно.

– Ты мальчик, – прошептала она. – Или ты тень?

Его грудь вздымалась в ответ. Вода в его легких была на вкус как грязь. Он перекатился на бок, откашливаясь и отхаркиваясь. Вода брызнула на лицо. Грязь хлюпала. Подняв голову, он увидел, что маленькая девочка присела на корточки и вода из пруда стучит по ее розовым резиновым сапожкам. Прядка одной косы щекотала ему челюсть.

– Вода слишком холодная для купания, – сказала она, как будто он по собственной воле плюхался в грязь. – Тебе нужно встать.

В лесу что-то треснуло. Хлопнула дверца машины. Испуганная сорока взлетела. Она пронеслась по воздуху с грохочущим криком. Женский голос пронесся сквозь заросли деревьев бальзама.

– Лейн? Лейни, не уходи.

Потом мужской:

– Она пошла вперед к воде. Не думаю, что она тебя слышит.

Девочка протянула руку и дотронулась варежкой до подбородка Колтона. Шерсть стала красной. Она протянула ее между ними для осмотра.

– У тебя кровь.

Колтон отчетливо осознавал неправильность своего положения. Небо было таким же. Деревья были те же. Пруд был тот же. Но воздух – воздух был теплее на несколько граду-

сов. Он с ужасом подумал, что это не тот день, когда он провалился под лед.

– Лейн!

Девочка повернула голову.

– Мама, – позвала она. – Мама, я нашла мальчика в воде!

Осознание того, что Лиам пропал, защемило что-то глубоко в груди Колтона. Он перевернулся на живот и по-армейски пополз по грязи. Несколько секунд назад его брат был там. Вышел на лед вслед за ним. Он был уверен в этом.

«Лиам, – пульсировали его мысли, пока он копался в иле и отходах. – Лиам, Лиам, Лиам!»

– Подожди! – девочка бросилась за ним. – Что ты делаешь? Ты утонешь.

Она схватила его за руку, увлекая назад. Он рванулся к ней, задыхаясь и боясь. Он хотел отпихнуть ее от себя, но его рука сомкнулась на фиолетовом манжете рукава ее куртки. Привязь. Опора для рук. Он не мог заставить себя отпустить ее. Он чувствовал, как что-то тянет его, словно нить, намотанная на ребра.

Он не хотел, чтобы это снова завладело им. Вода темная и холодная.

Странное пульсирование в коже.

Непонятное ощущение, будто из его груди вынули какую-то частичку его самого.

Маленькая девочка смотрела на него, нахмурившись. Ее легинсы были в красную, оранжевую, желтую и зеленую по-

лоску. Тонуть было холодно и мрачно, но каждая ее частичка была яркой, светлой, живой. Ее маленькая варежка обхватила его запястье. Шов был неровным, сделанным вручную.

– Не отпускай, – умолял он. – Не отпускай меня.

– Хорошо, – сказала она бесстрашно.

Он хотел заговорить снова, но когда он открыл рот, в его легких была грязь. В его пустой груди гудело, по костям пробегала тугая пульсация. Руки болели, как будто он тащился какое-то непостижимое расстояние. Где-то неподалеку он услышал звук бегущих ног. Он зарычал, задыхаясь, захлебываясь и очень, очень боясь, и все вокруг затихло, как в гробу.

Она стояла перед ним.

Лейн. Его Лейн. Был понедельник, и вот она. Было 10:40 утра, а она была там. Это было невозможно.

Но она была там.

Она была в четырех футах от него, и во второй раз за этот день двери лифта вот-вот захлопнутся перед ее носом. Он наклонился и нажал на кнопку, остановив их движение. Она наблюдала за ним с удивительной зоркостью. Она не двигалась. Ее щеки порозовели, взгляд широко раскрытых глаз был обрамлен темными ресницами. Лейн.

Как будто он знал ее. Как будто годы не сделали их чужими. Он был идиотом. Это не должно было стать сюрпризом. Он знал, что она будет здесь сегодня. Лейн. Его Лейн. В его школе. В его личном пространстве. На его непосредственной орбите. Он был проинформирован о ее скором прибытии за-

благовременно. Предупредили, на самом деле.

«Это случилось. Девочка Майерс-Петров была принята на программу. Она начнет в сентябре. Ты будешь держаться от нее подальше, Прайс, ты понял?»

Он снова нажал на кнопку. Двери загремели на своем пути, как пони у ворот. Поскольку ему нужно было что-то сказать, он спросил:

– Вы планируете сегодня войти в лифт?

Он хотел, чтобы это прозвучало радушно. Вместо этого напряжение от удивления лишило его такта. Его фраза прозвучала, как удар клинком. Она моргнула и протиснулась мимо него, вздернув кончик носа. С большей силой, чем, по мнению Колтона, того заслуживала ситуация, она уперлась в соседнюю стену.

«Это к лучшему», – подумал он с досадой.

Она выросла за эти годы. Ничего удивительного, но, ее вид шокировал его. Именно это и происходило с людьми. Земля менялась, годы сменялись, и она тоже. Ее вид сейчас противоречил его воспоминаниям. Так долго она существовала только в его голове. Застыла такой, какой он ее запомнил.

Теперь в ней не было ничего детского. Все на ней было смелым и темным. Юбка была из серого плиссированного материала, белый воротничок рубашки с зубчиками был застегнут в области горла. Все остальное было черным, вплоть до темного матового цвета губ. Волосы она заплела в две вы-

сокие косички. Как будто собиралась на конвенцию комиксов, а не в класс. Как будто это был косплей Лиги плюща, а она была Уэнздей Аддамс. Бело-русые переливы на концах становились бледно-фиолетовыми.

Этот цвет напомнил ему о пальто, которое она носила.

То самое, которое он сжимал в кулаке, когда глотал воду.

– Еще одно фантастическое оскорбление – «жаба с большой спиной», – сказал он, потому что она поймала его взгляд. Лифт пришел в движение. – Вместо «придурок», я имею в виду. У него есть много плюсов. Оно шекспировское. Уникальное. Стильное, но все же грубое.

Он не должен был с ней разговаривать.

Он знал это, но все равно не мог удержаться от того, чтобы слова не вырвались из него.

– Лично мне больше нравится «кусочек дикого уродства».

Она смерила его испепеляющим взглядом.

– Думаю, я буду придерживаться слова «придурок».

Мгновенно что-то в его груди опустилось. Лифт был тесным и зеркальным со всех сторон, а Лейн смотрела прямо перед собой, делая вид, что не обращает на него никакого внимания. Это была уловка. С того места, где он стоял, ему было хорошо видно, как она изучает его отражение. Лифт поднимался между этажами, скрипя и звеня роликами. Колтон посмотрел на часы. Время было 10:42. Утренний семинар должен был начаться в 10:45, а это означало, что он опоздает. Он ненавидел опаздывать. Выдохнув, Колтон откинул

голову назад к стеклу. По мере того как он делал это, юноша обнаружил, что Лейн молча разглядывает его. Ее лицо окрасилось в цвет слоновой кости. Взгляд упал на сапоги.

Лифт резко остановился, и Колтон боролся с растущим желанием ослабить галстук.

Перед ними с грохотом распахнулись двери, показав знакомое лицо. В горле Колтона застыл комок, когда Эрик Хейс шагнул в лифт, втискиваясь из-за своего внушительного роста в и без того небольшое пространство. Взгляд, которым он окинул Колтона, заставил его почувствовать себя так, словно его поймали с руками в штанах. В груди поднялась волна возмущения.

– Прайс, – сказал Хейс, наклоняясь для приветствия, которое было наполовину рукопожатием, наполовину объятием. Он был широкоплеч, чернокож и строен, как атлет, а его обезоруживающая кривая ухмылка предназначалась исключительно для Лейн. – Мне нравится твой галстук. Такое облегчение – знать, что лето вдали от дома не сделало тебя менее придурковатым. Кто твоя подруга?

– Не знаю, – солгал Колтон, потому что он не должен был ее знать, и они оба это понимали.

– Я Лейн, – сказала она. Девушка говорила с Хейзом, но смотрела на Колтона. Казалось, что она осмеливается сказать ему это снова.

– Люблю фиолетовый, – Хейс усмехнулся.

– Это очень смело. Не обращай на него внимания, – сказал Колтон, но она не обратила на это внимания.

Она улыбнулась Хейсу небольшой нерешительной улыбкой, от которой у Колтона защемило в груди. Он все еще не мог поверить, что она здесь. Маленькая радужная Лейн, которая держала его за руку. Почувствовав, что он смотрит на нее, она снова перевела взгляд на Колтона. На этот раз он не стал отводить взгляд.

Прошла целая вечность, прежде чем лифт остановился. Они добрались до своего этажа в нужное время. Колтон был уверен, что запас кислорода быстро уменьшался. Он снова сверился с часами. Было 10:45. Юноша уже должен был быть в аудитории. Он не должен был произносить ее имя. Это утро выбивало его из колеи.

Она выбивала его из колеи.

Седьмой этаж Годбоула был таким же просторным и открытым, как и первый. Плитка была покрыта лаком до блеска. На белом возвышении в центре комнаты стояла огромная ваза с каплевидной цветочной композицией. Он сдался и потянул за галстук.

Впереди Лэйн неслась в сопровождении Хейса, она звонко шагала в черных ботинках.

– Уэнздей, – позвал он без предупреждения.

Он не стал больше произносить ее имя. Лейн. Лейн. Лейн. В холле Хейс и Лейн смотрели на него. Свет из театра рассыпался вокруг них золотыми каплями. Его осенило, что он

так и не придумал, что сказать. Он хотел только предотвратить ее уход.

– Он говорит с тобой, – вмешался Хейс. Он все еще демонстрировал свою фирменную легкую ухмылку, хотя в его взгляде было что-то стальное.

Предупреждение. Напоминание. В начале этого года было установлено одно-единственное правило: не подружись с девочкой Майерс-Петров. Он знал это. Хейс знал это.

Делейн Майерс-Петров была под запретом.

Мысли Колтона завертелись, подыскивая, что бы такого умного сказать. Не найдя ничего путного, он смог выговорить только: «Ты опоздала».

Рядом с Лейни напряжение с плеч Хейса спало. Вид его облегчения разозлил Колтона. Он не был ребенком. Ему не нужен был опекун.

Засунув руки в карманы, он сказал:

– Я уверен, что ты читала учебный план, но четыре опоздания приравниваются к неудовлетворительной оценке. Это первое опоздание, что уже плохо. На твоём месте я бы не стал это повторять.

Делейн узнала имя Колтона Прайса, как только услышала его. «Прайс», – сказал Эрик, и паника накатила на нее, раскаленная, горячая и мгновенная. Летом она часами сидела в своей комнате, горела чайная лампа, остывал кофе. Она выучила все до последней строчки из учебного плана первокурсников. Делейн заносила в свой телефон сроки сдачи работ, отмечая цветом каждую, записывала в ежедневник предложения по проектам. Она запомнила имена всех ассистентов Годбоула, решив найти способ добиться их расположения.

До сих пор она была уверена, что ей это не удалось.

– Ух ты, – прошептала студентка, проходя мимо первого ряда сидений. – Как ты умудрилась получить прозвище от ассистента преподавателя Уайтхолла в начале семестра?

– Понятия не имею, – солгала она, чувствуя, как ужас нагревает ее кожу. Она не думала, что кто-то еще слышал их. За столом Колтон Прайс занялся разбором стопки бумаг. В обрамлении возвышающейся доски выпускник казался еще более внушительным, чем в лифте. Она не знала, как могла пропустить это. На вид он был всего на год или два старше, но строгий стиль одежды мгновенно выделил его среди остальных студентов. Свитер был только из химчистки, брюки – свежeweыглаженными. Туфли были начищены до блеска,

того же оттенка каштана, что и аккуратные завитки его волос. Только галстук сидел неровно.

Она выбрала место в нескольких рядах сзади, поднялась по лестнице и облокотилась на округлый корпус стола из фанеры. Прямо перед ней был взрыв рыжих кудрей. Локонны колыхались, волосы разлетались во все стороны. На Делейн смотрели яркие ореховые глаза. Она заметила лицо, усыпанное обилием веснушек.

– Привет. – Девушка была крепкого телосложения, опрятно одета: нарядную кофточку украшали рюши. На ее шее висел серебряный кулон в виде луны. – Между прочим, я думаю, что ты больше похожа на Харли Квинн, чем на Уэнздей Аддамс.

Настроение Делейн ужасно испортилось.

– Ты тоже это слышала?

– Дверь была широко открыта, Уэнздей, – сказала она. – Все слышали.

– Отлично. – Делейн сосредоточилась на том, чтобы вытащить ручку из сумки. – Меня вообще-то зовут Лейн.

– О, ну, ты невероятно похожа на Лейн. – Улыбка девушки была по-кошачьи острой, а взгляд пронизательным. – Я Маккензи. Мне очень нравятся твои волосы. Тебе определенно не стоит их стричь.

– Я и не собиралась, – нахмурилась Делейн.

– Если вы закончили болтать, то можем приступать, – пронесся над ними прохладный тенор Колтона Прайса. Делейн

готова была поклясться, что температура в комнате снизилась на несколько градусов. Взглянув в сторону передней части аудитории, она обнаружила, что Колтон прислонился к краю стола Уайтхолла, скрестив лодыжки и прижав ладони к поверхности.

Сразу наступила тишина, шелест бумаг затих. Через открытую форточку окна доносилось робкое пение птиц. Делейн почувствовала, как оно пронеслось сквозь нее, призрачное и ясное. По всей комнате в местах, куда не проникал свет, сместились тени, оседая ровным и тяжелым грузом на ковре с панелями.

«Это совершенно нормально, – сказал однажды ее родителям психиатр, – когда дети олицетворяют неодушевленные предметы».

Ей было восемнадцать. *Восемнадцать*. Тени были всего лишь теньями. Она закрыла глаза. Открыла их снова.

Взгляд упал на Колтона Прайса. Он выглядел впечатляюще: широкие плечи и осанка говорили о больших деньгах и высокомерии, передающемся по наследству.

Она назвала его придурком. Прямо ему в лицо.

Он будет оценивать ее курсовую работу, а она оскорбила его.

– Как и в прошлом году, – сказал он, – мои рабочие часы – вторник и четверг с шести до десяти вечера. Если это не срочно, я не хочу вас видеть. Если дело срочное, я все равно не хочу вас видеть, так что серьезно подумайте, стоит ли

наносить визит, или лучше отправить электронное письмо, прежде чем прерывать мой вечер.

Это было встречено раскатистым смехом. Колтон не выглядел так, как будто он шутит. Он потянулся в карман и достал один пятак, поднес его к свету, пока он не заблестел серебром.

– Вы когда-нибудь видели фокус? – Монета пролетела между костяшками пальцев его левой руки и исчезла в мгновение ока с удивительной ловкостью. – Фокусник начинает фокус с того, что показывает зрителям что-то обычное. Что-то легкое для понимания. Может быть, это монета. Может быть, коробочка. Может быть, это чистый участок неба. – Он поднял руку, теперь уже пустую. – Далее, – сказал он, – фокусник делает что-то необычное с этой обычной вещью. Если это монета, он заставляет ее исчезнуть. Если это коробочка, он помещает в нее своего помощника. Если это небо, он проходит сквозь него.

Он встретился взглядом с Делейн и задержался.

– В конце концов, монета снова появляется там, где она была спрятана, в его рукаве. – Повернув запястье, он зажал монету между двумя пальцами. – Ассистент появляется из-за стены в ящике. Но небо? Фокусник не появляется вновь. Нет никакой иллюзии. Нет никакой ловкости рук. Он просто исчезает из одной реальности в другую.

По телу Делейн пробежала дрожь, и она могла поклясться, что Прайс это заметил. Его взгляд мгновенно устремился

вдаль. Она была весьма рада, когда в комнате поднялась суматоха, подобно ветру, склонившемуся над полем из тростника. Сначала он пронесся над ней в виде моря неразличимых звуков. Диссонирующий шорох. Шепот белого шума. Потребовалось несколько медленных секунд, чтобы она поняла, что причиной потрясения был Ричард Уайтхолл, застывший в открытом дверном проеме.

Декан Годбоула был маленьким и сутулым, его глаза были закрыты очками в толстой оправе, а волосы напоминали аккуратный белый венец. Красная лампочка его носа сидела во вьющихся усах, которые, в свою очередь, закручивались вокруг нахмуренного лица. Он выглядел, подумала Делейн, как чей-то набросок того, каким должен быть профессор, вплоть до прямоугольных накладок на локтях.

– Встаньте с моего стула, мистер Прайс, – сказал он.

– Ваша очередь. – Оттолкнувшись от края, Колтон отошел в сторону, чтобы освободить место для Уайтхолла. Старому профессору потребовалось несколько томительных секунд, чтобы занять свое место. В это время комната наполнилась звуками движущихся тел. Зашелестели бумаги. Ботинки шаркали по ковру. Кто-то кашлянул. Поправив очки, Ричард Уайтхолл окинул взглядом полный зал людей.

– В этом году здесь аншлаги, – отметил он. – Мистер Прайс привнес в первый день свою неизменную театральность, я полагаю.

Приятное расположение профессора сразу же согрело Де-

лейн. Постепенно холодок в комнате начал исчезать. Напряжение спало, и впервые с тех пор, как она вошла в стеклянную башню Годбоула, Делейн расслабилась в своем кресле.

В передней части аудитории Уайтхолл снял очки с лица.

– Мистер Прайс любит говорить о магии, – сказал он, – но я боюсь, что правда не так увлекательна. То, что мы делаем в этой комнате, – это не магия. Это инстинкт. И он находится здесь. – Он постучал двумя пальцами по стенке своей груди. – Это ощущение миров во время сердцебиения. Либо ты чувствуешь его, либо нет. Если ты пройдешь через дверь между реальностями, не понимая ее точной формы, ее режущих краев, то в лучшем случае ты никогда не найдешь дорогу обратно. В худшем – вернешься в гипсе.

В комнате воцарилась тишина. За окном клочья облаков низко нависли над солнцем. Из-за этого в комнате было много теней, как будто бдительная темнота могла подняться и обрести реальную форму. Как будто у нее могут вырасти зубы.

Сердце Делейн забилося быстрее.

Вздохнув, Уайтхолл принялся за чистку своих очков.

– Время, – сказал он, протирая очки карманным платком, – течет подобно реке. Время от времени сдвиги во временной шкале приводят к тому, что эта река раздваивается. Единый поток событий разделяется на ряд более мелких ответвлений – фрагментов бесчисленных реальностей. Такая мелочь, как камешек, может расколоть реку на две части. Так

и самая, казалось бы, незначительная переменная может изменить всю траекторию человеческой истории...

Его голос был заглушен шорохом одежды, мимолетными обрывками шепота. На несколько секунд слова Уайтхолла стали непонятны. По всей комнате зашевелились тени, вытягивая свои конечности, словно подбодренные внезапным отлучением Делейн от мира. Они тянулись к ней темными, холодными пальцами. Раздался смех, и несколько студентов в аудитории закивали в ответ на неразборчивую шутку.

Запоздало улыбнувшись, Делейн бросила взгляд на Колтона и увидела, что он смотрит на нее. Она, сама того не желая, отметила, что его глаза должны были быть теплыми – карими, которые на свету превращались в жидкое золото. Вместо этого его взгляд был жестким и холодным. От его пристального взгляда у нее по спине пробежали мурашки. Ей хотелось, чтобы он смотрел куда-нибудь еще.

– Здесь, – сказал Уайтхолл, его голос стал более четким, когда в аудитории наступила тишина, – каждый из вас вступает в игру. Вы сделаете карьеру, изучая эти метафизические камешки, исследуя пульсацию, которую они создают во времени и пространстве. В Годбоуле вы проведете следующие четыре года, учась лавировать между мирами. Это не простое дело. Я советую вам по возможности обращаться за помощью к мистеру Прайсу, какие бы глупые угрозы он ни раздавал по поводу того, что вы отнимаете у него рабочее время.

Это было встречено учтивым смехом, тихим и немного неуверенным.

Уайтхолл сменил очки и сверился с часами.

– Совет директоров сказал мне, что это должна быть часовая ознакомительная беседа, но меня это не интересует. Мои требования были отправлены вам на электронную почту в день вашего поступления. – Он посмотрел на них с равнодушной улыбкой. – Если вы еще не сделали этого, обязательно прочитайте учебный план. Мы начинаем завтра.

Наступила тишина. Никто не двигался. Никто, кроме техней, дрожащих в своих углах.

– Он хочет сказать «уходите», – сказал Колтон, и в комнате начался переполох.

4

Когда Делейн была еще маленькой и предавалась дневным сновидениям, она заглянула в полуночную тьму своего заднего двора и увидела мальчика, который смотрел на нее в ответ. Его нос и рот были окантованы лунным светом, а на щеках, наоборот, застыла тень.

– Привет, – сказала она, и в быстро угасающей памяти ее голос прозвучал неправильно, глупо. Она знала, что должна бояться, – она всегда избегала темноты, но что-то в холодной бездне взгляда мальчика заставило ее застыть на месте. Он выглядел, подумала Делейн, таким же испуганным, как и она сама. Немного величественный, немного голодный, со вздернутым подбородком, исхудалым лицом, слишком длинными и тонкими руками.

Но когда ветер прошелестел по деревьям, он исчез. Там, где был его рот, остался лишь тонкий изгиб ветки. От его немигающего взгляда остались лишь пустые впадины вязов.

Некоторое время после этого темнота казалась не противником, а скорее союзником. Другом, с которым можно поиграть в одиночестве в тишине. Ее потянуло за тенью, как муху на блестящую паутину. Ее тянуло на самую верхнюю ступеньку подвала, где темнота просачивалась вверх по лестнице, как черная краска. Тянуло в лес в сумерках, где лунный свет играл между деревьями. Ее тянуло к зеркальному отра-

жению в окне, где ночь прижимала к стеклу свое голодное лицо.

– Я вижу, что ты наблюдаешь за мной, – шептала она и чувствовала тошнотворный трепет. – Тебе тоже одиноко?

В эти дни она знала, что лучше не следовать за темнотой, куда бы она ни вела. Она знала, что у нее есть острые зубы, у Делейн остались шрамы, чтобы доказать это. Она была слишком внимательной к себе, чтобы верить в то, чего не могла увидеть и потрогать.

Это, как ничто другое, заставляет чувствовать опасность в Годбоуле.

Семинар Уайтхолла тем утром оставил ее равнодушной. Слабость в коленях, то, что она испытывала, когда смотрела на тени. В учебной программе не было ничего осязаемого. Было небо, слишком зыбкое, чтобы его потрогать. Были другие миры, слишком далекие, чтобы их увидеть. Это было похоже на манящую темноту, голодную и пристальную, которая только и ждет, когда Делейн подойдет достаточно близко, чтобы ее укусить.

Она знала о репутации Годбоула. Она знала, что ученые Университета Хау публиковали свои исследования в приватизированных анналах, знала, что они специализировались на изучении альтернативных исторических событий – потопление «Санта-Марии», третья мировая война, государственная медицинская помощь без открытия пенициллина.

Она знала, но не верила по-настоящему. Это было похоже

на сказку – что в небе есть места, где воздух становится настолько густым, что по нему можно пройти. Более того, ей все больше и больше казалось, что это ошибка, что что-то в результатах ее анализов указывало на то, что она будет способна справиться с этим.

Маленькая стеклянная Делейн, которая никогда не покидала свою полку.

Она не любила ездить на метро, боясь не расслышать объявления на станциях. Она изо всех сил старалась не заказывать еду в буфете, боясь рассердить работников. Девушка, которая не могла одна проехать в метро или самостоятельно заказать холодную нарезку, была не из тех, кто шагает через прореху в небе.

И все же она была здесь.

Она больше не чувствовала себя такой способной.

Лежа на маленькой кровати в своем общежитии, она смотрела на пылающую стену от ночных светильников и думала, спит ли Колтон Прайс по-прежнему с включенным светом.

Почему-то она сомневалась в этом.

Перевернувшись на бок, она посмотрела через всю комнату туда, где на полу сидела ее соседка по комнате, скрестив ноги и свесив руки, положив ладони на колени. Океанский синий хиджаб Адьи Давуд струился по ее плечам лазурным платком, концы которого были заправлены в кремовый свитер. Теплый бежевый цвет ее овального лица поблескивал в свете ламп, золото выделяло выдающуюся дугу бровей, пря-

мую линию носа. Ее глаза были открыты и не мигали, каштановый взгляд был устремлен в точку на среднем расстоянии.

На коврике для йоги перед ней лежало ручное зеркало из чистого серебра, ручка которого была украшена оловянными розочками. Хрустальный маятник лежал напротив зеркала, его плоскости отражали свет, улавливаемый серебряной струйкой цепочки ожерелья.

– Ты уверена, что тебе не мешает весь этот свет? – спросила Делейн, уже не в первый раз. Ее голос заставил Адью моргнуть, а взгляд соседки по комнате изменил фокус таким образом, что у Делейн волосы встали дыбом.

– О, привет, – радостно сказала она. – Я думала, ты спишь.

– Я не могу заснуть, – ответила Делейн, она на самом деле редко спала. Девушка не могла заснуть, когда тени сгущались у ее ног, а ночь обгладывала пальцы. – Я тебе чем-то помешала?

– Как, например? – Адя собрала свои принадлежности и поднялась на ноги. На них были разные носки: один розовый, другой желтый. – Вовсе нет. Все равно это была пустая трата времени.

Делейн подложила руки под щеку и смотрела, как Адя скатывает коврик обратно в цилиндрический мешок.

– Над чем именно ты работала?

– Над этим. – Адя протянула ожерелье между ними и посмотрела на крутящийся кулон. – Я провела весь день, пытаюсь понять, как научиться скринить по команде. Я скачивала

приложения, занималась медитацией, смотрела учебники по йоге. Ты знаешь, что есть классы, которые занимаются йогой с козами? Я не могу представить, как легко получить доступ к астральному телу, когда кто-то грызет твой носок.

– Прости, – сказала Делейн, проигнорировав слова о козах. – Что ты имеешь в виду под «скринингом»?

– Ну, ты знаешь. – Адя бросила ожерелье так сильно, что кулон звякнул о стол. – Заглядывать за завесу? Гадать?

Делейн покачала головой.

Нахмурившись, Адя взяла зеркало и наклонила его так, чтобы отблеск близкого ночника отразился в его поверхности.

– Это прозвучит безумно, но с тех пор, как я приехала в кампус, на периферии моего тела что-то застряло. Это похоже на зарождение ушной мигрени – просто эта бледная, бесформенная материя на краях моего взгляда. Я не могу ее увидеть, не могу четко, но я знаю, что бы это ни было, оно хочет, чтобы я посмотрела.

Делейн села в постели. Несмотря на ощутимое тепло в захламленном общежитии, она почувствовала внезапный холод. Вокруг ее кровати тени стрекотали, как кузнечики, отпугивающие хищника. Она не обращала на них внимания.

– И ты думаешь, что зеркало поможет тебе увидеть его?

– Я не знаю. – Адя опустилась на кровать. Дверь их спальни была приоткрыта, свет из коридора разливался по полу тонкой желтой полоской, а из соседней общей комнаты до-

носилаь неразборчивая болтовня студентов.

– Мне нужно найти способ выходить из своей головы, – сказала она, – но до сих пор мне удавалось это делать только случайно. Обычно это происходит в середине припадка, но мой врач настоятельно рекомендовал не прекращать прием ламотриджина¹.

Делейн вспомнила, как смотрела в темноту и видела там лицо мальчика. О шрамах, которые все еще располагались на ее коленных чашечках, белых звездочках на коже, которые так и не зажили. Она мягко сказала:

– Может быть, тебе не стоит смотреть. Может быть, лучше не знать.

– Может быть. – Адя повертела в руках серебряную ручку зеркала. – Сегодня после занятий я поговорила об этом с профессором Уайтхоллом. Завтра у меня с ним супервизия. Надеюсь, он даст мне совет.

– Я бы на это не рассчитывала, – раздался голос из открытой двери.

Обернувшись, Делейн увидела в проеме рыжую девушку из класса, огненный хаос ее кудрей медно поблескивал в свете коридорных ламп. Адя нахмурилась и подтянула ноги под себя.

– Как долго ты там стоишь?

¹ Ламотриджин – противосудорожный лекарственный препарат, применяемый для лечения различных форм эпилепсии и нарушений настроения при биполярных расстройствах.

– Достаточно долго. – Маккензи, не дожидаясь приглашения, вошла в освещенную ночным светом комнату, обогнула покосившуюся башню из контейнеров для хранения и опустилась в кресло за столом Делейн. – Знаете пословицу «Кто не умеет делать, тот учит»? Ходят слухи, что это верно для Уайтхолла. Он ни дня в своей жизни не ходил по небу. Его чудо-мальчик делает за него всю тяжелую работу.

Делейн скривила лицо. «Чудо-мальчик?»

– Колтон Прайс, – сказала Маккензи, будто это было очевидно. – Я слышала, что Уайтхолл относится к нему как к богу, что объясняет, почему у него эго размером с планету. Какой-то второкурсник с соседнего ряда сказал мне, что Прайс может раздвинуть небо голыми руками, независимо от того, находится ли он рядом с линией лей или нет.

Делейн ждала, пока Адья задаст самый очевидный вопрос. Когда ее соседка по комнате замолчала, она спросила:

– Все ли в этой комнате знают, что такое лей-линия, кроме меня?

– Да, – ответила Адья, по-прежнему щурясь в зазеркалье. – А ты нет? – Глаза Маккензи потупились.

– Нет, – сказала Делейн, пораженная ее удивлением. – Моя мама была довольно нестандартной учительницей, но даже ее самые странные планы уроков никогда не касались оккультизма.

– Ах. – Маккензи закинула свои скользкие ноги на стол Делейн. – Стипендиатка?

– Да. – Это признание заставило Делейн почувствовать себя маленькой. Забравшись поглубже в кровать, она натянула рукава свитера на кончики пальцев. – Я начинаю жалеть, что согласилась ехать в то место, куда меня послали. Сегодняшний день заставил меня понять, насколько я отстала от жизни.

– Ты наверстаешь упущенное. – Адья поставила зеркало на кровать. – Подумай о линиях лей так: ты когда-нибудь видела продольную карту Земли?

– Конечно, – сказала Делейн.

– Это похоже на такую карту. Только там, где широтные и продольные линии используются как путевые отметки, линии лей – это сверхъестественные реки энергии. Воздух становится достаточно тонким, чтобы пересечь его только в тех местах, где концентрация энергии наиболее сильна.

– Если только ты не Колтон Прайс, – сказала Маккензи, осматривая поверхность своих ногтей.

– Предположительно, – поправила Адья. – Это просто слухи в кампусе. Сомневаюсь, что кто-то видел, как он это делает. Кстати, меня зовут Адья.

– Маккензи. Я как раз живу напротив.

– Кажется, я уже встречала твою соседку по комнате, – сказала Адья. – Она занималась на пуантах в холле.

– Та, что в костюме в виде зверька? Да, это Хейли. Мы с ней попали вместе в лотерею соседей по комнате. Она второкурсница, но не смогла найти ни одного человека, с которым

бы захотел жить с ней. Даже не представляю почему. – Маккензи наклонилась и ткнула пальцем в ближайший ночник – бледное скопление светодиодных грибов. – Что вы двое делаете здесь при полной темноте? Сейчас нет и десяти часов.

– У меня болит голова, – сказала Адьа, что было почти правдой.

Делейн, в свою очередь, ничего не сказала. Она не хотела говорить им, что отчаянно нуждалась в компании. Не хотелось признаваться, что она уже подкрадывалась к студенческому обществу ночью и обнаружила, что общая комната наводнена звуками. Приглушенная акустика комнаты превращала разговоры в эхо, которое с шипением билось о ребристые потолки. Голова у нее гудела, а ее ответы запаздывали. Взволнованная, она убежала, как только смогла.

Не то чтобы это имело значение. Чем дольше она проводила время в компании своих новых однокурсников, тем больше ей казалось, что она единственная, кто всю жизнь прожил без истинного понимания сверхъестественного. Она не понимала таких вещей, как гадание и лей-линии. Она не могла видеть за завесой. Она не могла разорвать небо. Она даже не могла спать с выключенным светом.

Вероятно, когда придет время шагнуть сквозь небо, она не сможет сделать и этого. В другом конце комнаты Адьа снова уставилась в зеркало, нахмутив брови. Маккензи внимательно разглядывала Делейн, опершись локтем на стопку книг, проводя острым ногтем по своей щеке.

– Ты справишься, – сказала она, когда молчание стало некомфортным.

– Прощу прощения? – замерла Делейн.

– Это то, о чем ты думала, верно? Сможешь ли ты переходить из одного мира в другой?

– Да, – призналась Делейн. – Но...

– У тебя получится, – повторила Маккензи. – Я выросла в Салеме. Мои мама и тетя – члены местного ковена. Они проводят чтения в задней комнате семейного магазина, который они купили исключительно из-за его близости к лейнии. Я провела свое первое чтение для клиента, когда мне было шесть лет. Как только Годбоул открыл свои двери, я поняла, что буду поступать.

– Это должно быть подбадривающее напутствие? – нахмурилась Делейн.

– Нет. – Маккензи закатила глаза. – Я хочу сказать, что я подала заявление на раннее зачисление. Я прошла собеседование. Я написала потрясающее эссе. Но нет никаких гарантий, что у меня есть все необходимое, чтобы шагнуть между мирами. Многие кандидаты отсеиваются после первого семестра. А ты? Ты могла оказаться буквально где угодно, а стипендиальная комиссия определила тебя в университет Хау. Это значит, что-то внутри тебя подсказывает: твое место здесь. Может быть, в большей степени, чем все остальные.

Звук разбившегося стекла привлек внимание обеих. Адьа

стояла в центре комнаты, ковер вокруг ее ног был усеян осколками. Зеркало лежало лицом вниз, оловянные розочки блестели на свету.

– Простите, – сказала Адья, быстро моргая. – Просто в зеркале было что-то такое.

– Что-то, – повторила Делейн. – Лицо.

– Да, – сказала Маккензи, не впечатленная. – Твое. Ты смотришь в это зеркало с тех пор, как я пришла сюда».

– Не мое. – Адья отодвинула зеркало подальше от себя. – Это был мальчик. – От того, как она это сказала, от ее напряженного голоса у Делейн застыла кровь. Она снова подумала о ветхом дереве, о лице мальчика в темноте. О том, как он распался под порывами ветра, появился и исчез в мгновение ока. Она провела ладонями по руке, пытаясь вернуть тепло под кожу.

– Дело в том, – сказала Адья, все еще разглядывая ручное зеркало, словно ожидая, что оно отрастит клыки и бросится на нее, – я думаю, он умирал.

У Колтона Прайса был тщательно продуманный распорядок дня. Он выглядел так: шесть тридцать три. Утро. Среда. Он стоял в подвале своего пустого семейного таунхауса со штангой в руках и заканчивал последний подход. В плоском отражении настенного зеркала его черты лица были суровыми и бледными. Он моргнул, отгоняя мысли, и аккуратно положил гири на стойку для гантелей, разминая затекшее плечо.

Он просыпался каждый раз на рассвете в пять тридцать, без будильника, хотя все равно заводил его на всякий случай. По понедельникам, средам и пятницам он тренировался. По вторникам и четвергам – бегал трусцой. Вниз вдоль Шарля. Под обвисшими ветвями деревьев. После тренировки он готовил коктейль. Затем принимал душ под струей холодной воды в ванной комнате на третьем этаже, вода стекала по спине, а радио со своего места на мраморном столике транслировало классическую музыку.

Классическую, а не рок, кантри или топ-40, потому что он вырос на Генделе и Чайковском и потому что иногда, когда он был очень напряжен, инструментальная музыка была единственным, что снимало напряжение в его груди. Когда с этим было закончено, он одевался, заправлял постель с милитаристской точностью, которую требовала от него няня,

когда он был еще маленьким и буйным, и спускался вниз, чтобы приготовить яичницу. Легкую, с цельнозерновым тостом и стаканом апельсинового сока.

Его распорядок дня был доведен до совершенства, и каждое утро он делал одно и то же.

Именно поэтому он знал, что это необычное утро.

Откуда он это знал, неясно, но с тревожной ясностью понимал, что что-то должно произойти. Он чувствовал, как время утекает из-под его ног, слегка покачиваясь, как будто оно тоже не знало, что делать с переменами. Термостат выключился, и в подвале стало прохладно. На его коже выступил холодный пот. Он не взглянул на часы. Знал, что сейчас шесть тридцать семь.

У него всегда было потрясающее чувство времени. Когда Колтон перемещался между мирами, ему казалось, что он набирает в рот воды. Его легкие были полны и тяжелы, тело холодело. Ноги пронзали иголки, делая их бесполезными, пока он не перейдет на другую сторону. Считал секунды. Страх перед каждым бесконечно малым тиком. Гиперосознание того, как долго он не дышал.

Это был прискорбный результат утопления.

Он надел свою толстовку и хлопнул в ладоши раз, два, три раза, чтобы согреться. Его кровь была ледяной в венах. В икрах жгло от воздействия молочной кислоты. Было шесть тридцать восемь.

Наверху раздался звонок в дверь.

Слишком рано для гостей. Что-то в нем сжалось. Выключив свет, он поднялся по лестнице, перелетая по две ступеньки сразу, зашел в фойе и распахнул дверь, чтобы впустить незваных гостей.

На пороге стоял Марк Микер, потный под своей холщовой курткой. Микер был маленьким и жилистым, склонным к нервным тикам и чрезмерному размахиванию руками. Выпускник Годбоула напоминал Колтону крысу – одни подергивания и усики. В целом безобидное, но такое существо, которое с радостью полакомится вашими останками, как только представится возможность. Поскребывая ногами по коврику, Микер шагнул внутрь, не дожидаясь приглашения.

– Ну конечно, – сказал Колтон, засунув руки в карманы, – проходи.

– Небо сегодня странно пахнет. – фыркнул Микер в ответ. Он потянул за край своей кепки. – Как перемены. Ты чувствуешь запах?

– Нет, – ответил Колтон, хотя и почувствовал его.

– У Апостола к тебе претензия, – сказал Микер, проведя пальцем под носом.

– Мне все равно, – уперся плечом в стену Колтон.

Микер оскалился, широко расставив руки в позе «ты что, издеваешься надо мной». Это была их обычная рутина. Микер заикался. Колтон послушно играл роль скалы, непреклонной и холодной.

– Тебя должно это волновать, – сказал Микер. – Посколь-

ку он держит твои яйца в руках. – Колтон снова почувствовал, как его тянет в глубине души, как земля ускользает из-под ног. Если бы Лейн была здесь, он бы спросил, что она слышала, о чем шептались в углах. Но тени в комнате складывались в особенно грозные узоры, которые подчеркивало восходящее солнце, а Лейн была где-то в кампусе, возможно, втыкала булавки в куклу с его именем.

Эта мысль заставила его нахмуриться, а нахмурившись, он заставил Микера сильнее сжать руки.

Часы на запястье Колтона пискнули: ненужное напоминание; он знал, что уже шесть сорок пять, и сказал:

– Самое время для моего коктейля.

– Что? Прямо сейчас? – вытаращился на него Микер.

– Пойдем. – Колтон направился по коридору, шаркая носками по мрамору. – Или не иди. Мне все равно.

Кухня была широкой и светлой, выложенной черно-белой плиткой. Он достал из холодильника запотевший пакет молока и отмерил три чашки в блендер. Затем последовали остальные продукты, выложенные в аккуратном порядке: половина ложечки протеинового порошка; замороженная клубника с бананом, нарезанным тонкими круглыми кружочками, ложка капусты. Микер достал из внутреннего кармана пальто свернутую папку из манилы и расправил ее на столешнице. Колтон посмотрел на нее боковым зрением.

– Что это?

– Это... – Микера перебил звук жужжания блендера. Они

смотрели друг на друга через всю кухню, пока блендер превращал замороженные фрукты в жидкость. Колтон убрал палец с кнопки. Звук исчез.

– Извини, – сказал Колтон, совсем не чувствуя сожаления.

– Это отчет о вскрытии Перетти, – возмущенно закончил Микер. – Небольшое домашнее задание для тебя.

Телефон Колтона пискнул, сигнализируя о приходе сообщения.

– Не интересуется, – сказал он, проигнорировав файл и посмотрев на свой сотовый.

– Не по желанию, – ответил Микер.

– Все по желанию.

Сообщение было от Хейса. Колтон засунул телефон обратно в карман спортивных шорт.

– Так уж получилось, что сегодня мне не хочется выполнять работу Апостола.

– Никто не спрашивал о твоих желаниях, Прайс. – Улыбка Микера была такой же дерганой, как и все остальное в нем. – Ты сделаешь то, чего от тебя ждут.

Колтон прислонился к стойке и сделал глоток своего коктейля. Он не оставил блендер включенным достаточно долго, и консистенция была слишком густой.

– Я не мальчик на побегушках.

– Верно, – согласился Микер. – Ты вообще не мальчик, ты маленький засранец. Возьми это. Просмотри все. Посмотри, не сможешь ли ты понять, почему эти идиоты все время ока-

зываются мертвыми. Апостол ждет от тебя звонка сегодня вечером.

Когда он ушел, Колтон допил свой коктейль и поднялся наверх, чтобы принять душ. Из колонок доносился «двадцать четвертый каприс» Паганини, скрипичное соло вызывало дрожь в ступнях. Он не позволял себе думать о папке. Вместо этого он думал о звуках, которые издавали тенистые совы, далеко за пределами его способности слышать их.

Закончив, он насухо вытерся полотенцем и включил новости. Репортер с мрачным лицом стоял в центре кадра и рассказывал о последней в череде смертей туристов в Иллинойсе. Новой жертвой стал студент по имени Джулиан Гузман. Американский пловец. Отличник учебы. Любимец друзей и семьи. Его нашли на обочине Чикагского шоссе, тело было разможено, как убитое на дороге.

Колтон не знал, что он почувствовал от этой новости. Опустошение? Раздражение? Страх? Джулиан Гузман, выпускник Годбоула, обладал удивительной способностью находить двери между мирами. Одно дуновение, и он улавливал любые разрывы в атмосфере, как кровная гончая. Однажды, на втором курсе, Колтон спросил Гузмана, чем пахнет поредевшее небо.

– Серой, – ответил Гузман. – Серой. Это не роза, чувак. Эта хрень воняет. – По телевизору мрачная женщина со слишком большим количеством зубов смотрела прямо в камеру и объясняла, как Гузман истек кровью и умер на тро-

туаре, где его обнаружили.

Колтон задумался, медленно ли истекают кровью. Ведь утопление требует большего времени.

Он помнил, как проваливался под лед, как холод терзал его кожу. Анестезирующий ужас от того, что он проснулся на несколько дней позже, чем ожидал, под утро, которое было на несколько градусов теплее. Властную ауру маленькой девочки, всю в радуге.

Родители почти не смотрели на него, как только он получил медицинское разрешение вернуться домой. Он знал, что они винят его. Маленький Колтон Прайс, вечно опаздывающий. Всегда попадал в переделки. А Лиам, обязательный старший брат, всегда был рядом, чтобы вытащить его.

Ему не удалось вытащить Колтона из пруда.

Сера и песок. Тени и лед. Утонувшие мальчики и фунт плоти. Один ужасный несчастный случай за другим. Наследие Годбоула строилось на костях.

Колтон выключил телевизор. Было семь тридцать.

Он проверил свой телефон и открыл сообщение от Хейса. Оно было кратким: «Ты видел новости сегодня утром?»

«Да, – ответил он, – только что видел».

Входящий ответ мгновенно пискнул: «Похоже, Гузман выбил мяч. Кто из нас на площадке?»

Это была шутка, но она оставила его равнодушным.

«Костопулос», – ответил он.

Отложив телефон, Колтон оделся в одежду, которую по-

гладил и разложил для себя накануне вечером. Он сел на край кровати и натянул носки, стараясь не думать о смерти. Тишина в его комнате была всеохватывающей. Тишина в доме грозила поглотить его целиком.

Позже утром он пришел на семинар первокурсников в Уайтхолл и обнаружил, что Лейн уже там. Еще одна перемена. Еще одна неполадка в его распорядке. Он остановился в открытой двери, застигнутый врасплох ее присутствием. Она была одета во все черное, волосы – цвета водопада, и в течение нескольких секунд Колтон не мог понять, какие инструкции он должен был выполнить. Он должен был быть в классе за пятнадцать минут до прихода учеников. Он должен был держаться подальше от Лейн. Он не мог подчиниться одному указанию, не отказавшись от другого.

Его убедил кофе. Латте стоял на краю стола, пар еще поднимался от его белого бумажного стаканчика. Он понял, что напиток – это предложение о перемирии. Колтон не хотел принимать его. Он не мог принять его. Но поджать хвост и спрятаться в другом месте до начала занятий было слишком трусливым поступком. По его мнению, в интересах обоих было, чтобы он вообще никак не реагировал.

Он почувствовал пронизывающую боль под ребрами, как только переступил порог. Физическое напоминание. Реакция Павлова. Он не ожидал, что прямое неповиновение будет ощущаться так осязаемо. Подавив стон, он направился

к столу.

Зажав ручку между зубами, Лейн не поднимала глаз от своего планшета. Она выглядела полностью поглощенной чтением, Колтон не был уверен, слышала ли она, что он вошел, или это было частью ее грандиозного плана – сделать вид, что его не существует.

Он получил ответ, как только занял свое место.

– Сегодня я пришла вовремя, – проговорила она слишком тихо для зала с ковровым покрытием. Как будто не была уверена, насколько громко ей нужно говорить, чтобы быть услышанной. Как будто она беспокоилась, что ее голос займет слишком много места. Она сидела, скрестив ноги, один черный ботинок раскачивался в воздухе, как маятник.

– Ты рано, – поправил он, отрываясь от ноутбука. – Это пустая трата твоего утра. Что не принесет тебе никаких баллов. В Уайтхолле не выдают призы за то, что ты первая вошла в дверь.

Она метнула взгляд в его сторону. Просматривая электронную почту, он изо всех сил старался не встречаться с ней взглядом. «Возможно, – подумал он, – если ему удастся выглядеть убедительно поглощенным своим делом, она потеряет интерес». Вместо этого ее взгляд задержался. Он закрыл один браузер и открыл другой, бесцельно пролистывая входящие сообщения. Сила ее пристального взгляда пронзила его насквозь.

– Могу я спросить тебя кое о чем? – вдруг сказала она.

– Это связано с курсовой работой? – он удалил поддельный инвойс из папки спама.

– Нет. – Ее качающийся ботинок застыл на месте. – Не совсем.

– Тогда нельзя – сказал он, хотя был сильно заинтригован. – Мне нужно закончить несколько дел до начала занятий, а твои непрекращающиеся разговоры сильно отвлекают.

Он услышал, как она тихо пробормотала:

– Я бы не назвала это непрекращающимися разговорами.

– Что? – посмотрел он на свой ноутбук.

– Что?

– Ты что-то сказала?

– Нет, – солгала она, хмуро глядя на него.

– Хорошо. – Он позволил холодной улыбке проскользнуть по его лицу. – Пусть так будет и дальше.

В конце недели он засел в студенческом центре, его книги лежали на ламинате пустого конференц-стола. В залитом солнцем холле Лейн смеялась со своими подругами. Голова откинута назад. Глаза блестят. Реакция на что-то, сказанное рыжей, была запоздалой.

Он знал, что находится именно там, где не должен быть. Проверяет себя. Проверяет свои границы. Он ничего не мог поделать. Ощущение ее присутствия вызывало у него жжение. Колтон разрывался между желанием препарировать эту сверхъестественную боль в своих костях и желанием вырвать

ее из себя. Каждый раз, когда она смотрела в его сторону, он думал о том, чтобы вырваться из этой реальности в другую. Содрать ее присутствие, как кожу.

Дома отчет о вскрытии лежал непрочитанным на кухонном столе. Звонки от Апостола оставались без ответа. Он знал, что так ему будет лучше. Он не мог позволить себе отвлекаться. Не сейчас, когда Перетти и Гузман мертвы. Не с Костопулосом, который в панике звонил ему ночью.

– Я не хочу уходить. Ты слышишь меня? Я больше не хочу этого делать.

Он знал, что рискует, и все же влечение к Лейн было сильным, пробирающим до костей. Он словно был мотыльком в темноте, а она – светом. Колтон знал себя достаточно хорошо, чтобы понимать: он будет продолжать лететь к ней, пока все вокруг не сгорит.

На стол упала книга, и он поднял глаза, чтобы увидеть Эрика Хейса, который сел на свое место.

– Больно? – спросил Хейс. – Быть таким глупым?

– Я просто работаю над статьей, – возразил Колтон.

– Ты учишься в Хау уже четыре года и ни разу не соизволил сделать домашнее задание в присутствии младших курсов. Даже когда ты сам был одним из них. – Хейс сбросил рюкзак и с грохотом опустился на сиденье рядом с ним. – Я не хочу, чтобы мне приходилось нянчиться с тобой, парень. Не заставляй меня этим заниматься.

Колтон снял очки и опустил круглую проволочную опра-

ву на открытые страницы учебника. У него еще не болела голова, но за глазами появилось давление, которое говорило о том, что позже у него будет адская мигрень.

– Я не делаю ничего плохого.

– Может быть, пока нет, – сказал Хейс, – но у тебя есть этот взгляд.

– Взгляд, – категорично повторил Колтон.

– По-настоящему безрассудный взгляд. – Хейс открыл крышку своего стакана и сделал глоток. – Мне нужна твоя голова. Двое из наших парней выбыли из игры в Чикаго. Третий пропал без вести. Если Костопулос провалится, кто следующий? Я? Ты?

– Это буду не я, – сказал Колтон, потому что это была правда. Колтон знал это. Хейс знал это.

– Да, – Хейс выдохнул беззлобный смешок. – Ну, я чертовски уверен, что не хочу умирать. Сегодня утром я нашел в сети слитую фотографию Гузмана. У него из ушей буквально вытекало дерьмо.

– Мозговое вещество, – поправил Колтон.

Опираясь локтем на стол, Хейс ткнул пальцем ему в лицо.

– Тот факт, что ты можешь произнести эти два слова вместе, не вздрогнув, просто отвратителен. Ты ведь знаешь об этом, верно?

– Мы знали, во что ввязывались, когда поступали. – Колтон сжал переносицу.

– Правда? – Хейс оглянулся через плечо, туда, где Лейн

и ее друзья начали собирать свои вещи. Книги запихивали в сумки. Руки засунули в пальто. Кто-то засмеялся, звук был высоким и чистым. Оглянувшись на Колтона, он сказал: – я не думаю, что ты это знал.

– И что это значит?

– Это значит, что прошла всего одна неделя учебы, а ты уже бегаешь за ней, как грустный пес. Эта штука сильнее тебя, Прайс. Так что сделай мне одолжение и начни выполнять приказы, пока ты не испортил все для остальных.

Предупреждение прозвучало в пустоту. И в любом случае это не имело значения.

Мать называла его твердолобым еще когда он был маленьким и противоречивым, когда он выбирал синий грузовик, если кто-то предлагал ему красный. Она не боялась смотреть ему в глаза. Колтон настаивал на том, чтобы забраться на самые верхние ветви старого клена в парке, если Лиам говорил ему, что он слишком маленький.

Как решительно он стремился приблизиться к Лейн, когда ему говорили держаться от нее подальше.

Профессор философии Делейн была не улыбочливой женщиной с копной рыжих волос и аурой, похожей на птичью. Ее лицо казалось бесконечно строгим, с плотно сжатыми губами, из-за чего Делейн не могла понять, была ли ее преподавательница явно разочарована в ней, или это просто ее обычное выражение лица.

– Изучение фундаментальных истин требует сократовского подхода, – провозгласила профессор Бофорт, глядя на Делейн через широкое крыло своего носа. – Поэтому я ожидаю, что все мои студенты внесут свой вклад в дискуссию в классе.

– Я понимаю, – поспешила сказать Делейн. Кабинет, в котором они сидели, был ярко освещен и нелепо украшен цветами, полки заставлены бледными греческими бюстами. Две недели семестра, а Делейн уже назначала встречи, чтобы выпросить дополнительные баллы. Это было не очень приятно. – Дело не в том, что я не хочу участвовать. Просто мне трудно успевать за потоком обсуждения в классе.

Одна из тонко нарисованных карандашом бровей Бофорта выгнулась в драматическую дугу.

– Мне трудно в это поверить. Вы яркая, артикулированная молодая девушка. Мы с вами сейчас беседуем, и у вас замечательно получается. – Это было сказано как комплимент,

хотя вряд ли таковым являлось. Делейн с трудом сдержала улыбку и неуверенно пробормотала:

– Спасибо.

Бофорт долго смотрела на нее, поджав тонкие губы.

– В любом случае, если вы чувствуете, что темп моих занятий оказался для вас слишком тяжелым, вы еще вполне можете отказаться от занятий. Вы ведь студентка, проходящая практику, верно?

– Да. – У Делейн заболел желудок.

– Я так и думала. – Бофорт провела тонкими пальцами по бумажному календарю на своем столе. – Получатели стипендий должны иметь средний балл 3,5, чтобы сохранять право на постоянную финансовую помощь. Участие составляет значительную часть вашей итоговой оценки. Если вы считаете, что не сможете найти в себе силы присоединиться к разговору, то я бы посоветовала вам тщательно пересмотреть свои перспективы.

– Я буду иметь это в виду, – сказала Делейн, изо всех сил стараясь не выдать дрожь в голосе. – Спасибо, что уделили мне время.

В коридоре Делейн стояла, прижавшись лбом к стеклу торгового автомата. Застрявший в катушках пакет с печеньем, который она выбрала, висел, не падая. Она повторно ткнула пальцем в кнопку. В-6. В-6. В-6. Печенье не сдвинулось с места.

Адья обещала Делейн, что ей не понадобится много времени, чтобы наверстать упущенное, но с каждым днем Делейн чувствовала все большее отставание. Дни сменяли друг друга, наполняясь переполненными аудиториями и приглушенной акустикой, звуками, которые отказывались встать на место, беседами, которые не поддавались осмыслению. Она записывала все, что слышала, но в итоге не получалось ровным счетом ничего – только частично сформированные концепции и незаконченные предложения, разрываемые то тут, то там сердитыми чернильными мазками.

Она сидела в студенческом центре и делала вид, что участвует в разговоре. Сидела в столовой и делала вид, что смеется над шутками Маккензи. Она чувствовала себя, как это часто бывало в людных местах, зажатой в ловушку на своей периферии. Одной ногой в мире бодрствования вместе со всеми, а другой – в тихом месте. В каком-то странном месте. Где безгранично одиноко. Без контекста, который служил бы якорем, звук пролетал между ее ушами, как пух одуванчика. Когда дни заканчивались, она тащилась обратно в аккуратный коридор общежития первокурсников, в беспорядочное убежище своей комнаты, и бросалась на кровать, чтобы унять головную боль. Ее мать все звонила и звонила, а она игнорировала ее, зная, что если ответит на звонок, то обязательно расплатится.

Маленькая хрупкая Делейн, всего пара недель в семестре, а уже сломалась.

Она не только не успевала по учебе. Каждое утро она просыпалась в предрассветной темноте и собиралась. Приходила в здание Уайтхолла, когда солнце только-только поднималось в небо. Она садилась в самом начале зала и расставляла ручки одну за другой в аккуратный ряд, а кофе «пожалуйста, не ненавидьте меня» ставила на тяжелый стол, стоявший на ковровом покрытии помещения.

Каждое утро Колтон Прайс появлялся как по часам: через пять минут после Делейн, за десять минут до начала занятий. Его лицо было искажено, как она могла предположить, отворачиванием. Он занимал свое место, не глядя на нее. Застегивал манжеты на рукавах, не разговаривая с ней. Он засовывал идеально наточенный карандаш за ухо и начинал критиковать работы. Кофе остывал, оставаясь без внимания. Это было сообщение без слов, но смысл его был ясен: «Извинения не принимаются».

Пока Уайтхолл просматривал слайды с презентациями по критической теории разнообразных наблюдаемых вселенных, Колтон Прайс перебирал бумаги и наблюдал за происходящим, его глаза были похожи на сдвоенные громовые шары, а на лице была неизменная хмурость. Делейн делала свои бесполезные записи своими бесполезными ручками и пыталась понять, что она могла сделать, чтобы вызвать у него такую глубокую неприязнь.

Конечно, его и раньше называли придурком.

Все еще опираясь на торговый автомат, она почувствова-

ла, как ослабевают терпение другого студента прямо над ее плечом. Она не слышала, как он подошел. Она вообще не заметила его, пока он не пробормотал что-то себе под нос, голос был слишком тихим, чтобы его можно было разобрать. Ботинок закрипел по кафелю. Вздых пронесся по ее шее.

– Ты можешь мне помочь? – услышала она его вопрос.

– Я не знаю. – Она дала автомату последний неуклюжий пинок. – Он съел мой доллар. Я думаю, может, он сломался.

Но когда она обернулась, там никого не было.

Через пятнадцать минут, когда она входила в фойе, кофе Колтона обжигал пальцы ее левой руки. В правой она сжимала блокнот, страницы которого, покрытые точечной сеткой, были раскрыты, чтобы показать большую нарисованную от руки бабочку. Накануне Уайтхолл читал лекцию о массовых последствиях эффекта бабочки в параллельных вселенных. Делейн провела большую часть занятия, превращая свои записи в каракули, с комком в горле. Теперь, разморенная жарой в залитом солнцем вестибюле, она тщетно пыталась расшифровать то, что смогла, до начала занятий.

Она была на полдороге к лифту, когда до нее донесся голос Колтона Прайса.

Уэнздей!

Ее охватила паника. Она развернулась, не предвидя его приближения, и врезалась прямо в серую шерсть и бордовый шелк. Кофе разбрызгался, обжигая белый нагрудник ее

платья с оборками. Колтон отпрянул назад, тоже облившись, циферблат его часов подмигивал золотым светом. Несколько секунд они стояли, мокрые и испуганные, и смотрели на пустой стакан, упавший на пол между ними.

– Ой, – сказала она, когда мутный коричневый ручей пролился на бумажные крылья ее бабочки. Затем, поскольку она чувствовала, что должна сказать что-то еще, она добавила: – Я принесла вам кофе.

– Да, – сказал Колтон, осматривая повреждения. – Я заметил.

– Меня зовут Лейн, – пробормотала она.

– Что? – поднялись на нее темные глаза.

– Мое имя. Ты назвал меня Уэнздей, но я Лейн.

Он смотрел на нее секунду. Две. Кофе остыл у нее на животе, заставив почувствовать холод.

– Я знаю ваше имя, – сказал он. Затем добавил: – Уайтхолл хочет видеть вас в своем кабинете перед занятиями.

– Меня? Почему? – ужас охватил ее.

Но он уже отвернулся от Делейн, поднял упавший стакан и швырнул его в ближайшую урну. Она поспешила за ним, пульс участился, и Лейн невольно обратила внимание на слишком громкий звон каблучков. В лифте они вернулись к привычной схеме.

Колтон постукивал по циферблату своих часов, как будто они могли сломаться. Делейн полусерьезно посматривала на свои зашифрованные бабочкой заметки. Воздух между ними

был совершенно неподвижен.

– А, мисс Майерс-Петров, – сказал Уайтхолл, как только она переступила порог его кабинета. Пространство было тесным и захламленным – единственное темное пятно, которое она видела во всем суровом, кристаллическом Годбоуле. Делейн сразу же поразились его мозговой активности: очки, твид и вставки на локтях пиджака, он был изолирован в своем кабинете из темного красного дерева и богатых изумрудов. – Спасибо, что зашли. Мне очень хотелось поговорить с каждым первокурсником один на один. Как у вас идут занятия?

Делейн подумала о своей не слишком приятной встрече с профессором философии, об исписанных пробелах в тетрадах.

То, как она каждую ночь забиралась в постель с гудящей головой, одновременно боясь темноты и страшась рассвета.

– Хорошо, – солгала она, сознавая, что Колтон следит за каждым ее словом.

Уайтхолл поднял хрустящую папку и пролистал ее содержимое.

– В вашем деле сказано, что вы стипендиатка.

– Да. – Она старалась не смотреть на Колтона, на его блестящие кудри, блестящие туфли и блестящие часы. Он, вероятно, оплатил свой счет за обучение наличными. У него, вероятно, был средний балл 4,0. Он определенно не рисовал бабочек в своих тетрадах, не олицетворял темноту и не про-

пускал половину лекций.

За столом Уайтхолл продолжал просматривать свои записи.

– Вы, должно быть, отлично сдали экзамены.

– Не совсем, – призналась Делейн. – Мне не дали закончить вступительный тест.

Что-то в ее словах привлекло внимание Уайтхолла. В его взгляде промелькнула интрига, и он осмотрел Делейн так, словно увидел ее заново.

– Если вы не возражаете, у вас очень интригующий акцент. Я не могу его определить. Откуда вы родом?

Кровь Делейн застыла. Она действительно была не против, но не могла представить, что поставит декана своего факультета в неловкое положение, указав на это. Сжимая тонкий ремешок сумки, она ответила:

– Массачусетс.

– Ах. – Улыбка Уайтхолла затянулась. – А до этого?

У нее свело желудок. Прижавшись к открытой двери, Колтон наблюдал за ней, как акула, засунув руки в карманы.

– Ниоткуда, – ответила она, стараясь говорить так, как ее учили. Язык за зубами. Согласные четкие.

– Правда? – Уайтхолл звучал неубедительно. – Петров – интересная фамилия. Славянская?

– Да. – Она мысленно прокляла дрожь в своем голосе. – Но моя мама выросла в Новой Англии.

– И вы уверены, что нигде больше не жили? – уточнил

Уайтхолл, как будто она могла неправильно вспомнить собственное детство. – А как же ваши родители?

– Она глухая, – вырвалось у Колтона, и оба взгляда устремились в его сторону. Дыхание Делейн перехватило в горле. Всю свою жизнь она танцевала вокруг этого слова, ужасно боясь вызвать у кого-либо беспокойство, ужасно боясь заявить о нем как о своем личном. Колтон не выглядел испуганным. Он был раздражен. Опираясь плечом о раму, он сказал:

– Я переслал вам письмо летом.

– Как ужасно стыдно, – сказал Уайтхолл и широко развел руки в жесте «так бывает». – Мои извинения. Это научит меня игнорировать мое любопытство. Вы должны извинить меня за назойливость, но вы замечательно говорите. Правильно ли я понимаю, что ваша потеря слуха была постлингвальной?

Делейн отвела взгляд от Колтона.

– Да.

– А. И вы говорите на языке жестов?

– Немного. Дома. – Разнервничавшись, она дергала нитку на рукаве. Ее кожа была горячеей, ей отчаянно захотелось опуститься на пол. – Я ношу кохлеарный имплант.

– Впечатляет, – изумился Уайтхолл. – И вы что-то слышите? В тишине?

Делейн моргнула, удивленная внезапной конкретикой его вопроса. Вокруг нее раннее утреннее солнце падало желты-

ми струями, загоняя тени в промежутки и подполье, в углы и расщелины. *«Нам здесь не нравится, – казалось, говорили они. – Нам вообще здесь не нравится».*

– Нет, – ответила она с опозданием. Всю ее жизнь это был правильный ответ. В этот раз – впервые – у нее было четкое ощущение, что она сказала что-то не то.

– Изумительно. – Интонация Уайтхолла была странной, и Делейн подумала, что, должно быть, она ослышалась, так как голос был приглушен в тесном пространстве его кабинета.

– Спасибо, мисс Майерс-Петров. Думаю, на сегодня это все. Еще раз прошу принять мои самые искренние извинения за допущенную ошибку.

– Все в порядке. – Она чувствовала себя не в своей тарелке – Делейн не знала, чего, кроме ее крайнего унижения, им удалось добиться. – Что-то еще?

– Совсем нет. Просто быстрое приветствие. – Улыбка Уайтхолла была теплой под белыми завитками его усов. Он напомнил ей Санту из торгового центра – вел он себя слишком весело, а свитер был слишком красным. – Мы делаем что-то революционное в Годбоуле, проделываем дыры в небе. Из-за этого мы склонны получать много критики от тех, кто не понимает. Невероятно важно, чтобы наш маленький отдел держался вместе. Поэтому мне хочется знать, кто сидит в моей аудитории. Называть людей по именам.

Его пристальный взгляд переместился на Колтона, все еще стоявшего в дверях. Колтон был словно замурован, рот

сжался в плотную линию. Он выглядел как каменная копия человека: его линии были слишком аккуратными, слишком холодными.

– Мне не терпится узнать вас получше, – рассеянно сказал Уайтхолл. Затем, обращаясь к Колтону добавил: – увидимся в классе.

На этот раз Делейн была уверена, что ослышалась, потому что в его тоне прозвучало предупреждение.

Делейн было семь лет, когда она впервые проснулась в лесу.

Был конец июня, в воздухе благоухала магнолия, она открыла глаза в гнетущей тишине леса. Ее ноги были в грязи, кончики пальцев склеились от смолы, длинную белую косу украшали заросли зимней ягоды. Словно она родилась в лесу, пробивая себе путь когтями из чрева рыхлых рябиновых корней.

Родители нашли ее вскоре после этого. Они отнесли ее домой, как разбитое стекло, подхватив на руки. Они склеили ее обратно, вычистили остатки грязи из-под ногтей и позвонили кому-то, кто обладал достаточным знанием, чтобы дать им ответ.

Ее психотерапевтом была тучная женщина с волосами цвета и текстуры овечьей шерсти. На первом сеансе Делейн сидела, скрестив ноги, на диване в обморочном состоянии и ковырялась в ногтях. Она не хотела рассказывать терапевту о мальчике в ветвях или о том, как она следовала за темнотой, куда бы она ни вела. Ей хотелось говорить только правильные вещи, чтобы доктор была довольна ею, но правильные вещи были ложью, и поэтому она чувствовала себя, как на экзамене, который заранее обречена провалить.

Сомнамбулизм, назвал это в конце концов терапевт. Ти-

пичное поведение для ребенка, пережившего нечто столь травматичное и внезапное, как смерть близкого человека и полная потеря слуха.

Назвав это явление, от него не избавились. В следующий раз Делейн проснулась у ручья, когда отец тряс ее за плечи. В горле пересохло, пальцы были изъедены речной водой, ей было невыносимо холодно, несмотря на жару середины августа. Она снова шла за мальчиком в темноте, просила его остановиться. Не обращая внимания на укусы ежевичных колючек. Теперь, когда она проснулась, тени падали вокруг нее, как дождь, то тут, то там пробиваясь сквозь кедры тонкими золотыми лучами. Мальчика не было. Был только лес, темный и глубокий.

Родители назвали это «эпизодами», как будто она была мультипликационным героем сериала по субботним утрам. Она просыпалась в лесу, упираясь руками в грубые расщелины красного дерева. Она просыпалась во дворе, ноги были черными от грязи и дождевой воды. Ее родители поставили замки на двери, детскую калитку на лестнице.

– Дайте ей время, – заверил родителей Делейн терапевт. – Она перерастет это.

И однажды ночью так и случилось.

Она проснулась на улице, ее колени, прижатые к желтым фарам неуклюжего «Бьюика» их соседа, были в крови. Сердце заколотилось в груди, Делейн еще никогда в жизни не чувствовала себя такой бодрой.

Больше такого не случилось.

Как будто перспектива быть сбитой машиной выбила из нее всю любовь к лунатизму. Как будто то, что притягивало ее в темноте, наконец сдалось и ушло.

Делейн лежала в ночной мгле своего общежития. Она смотрела на пятно лунного света на стене. Думала о сне. Даже сейчас, все эти годы спустя, она могла представить себе каждую деталь внешности мальчика в лесу: черные глаза, темные кудри, ноги в штанах, мокрые от падения в ручей.

– Остановись, – кричала она. – Не беги. Я знаю тебя. Я знаю тебя. Я знаю тебя. – Она потратила годы, убеждая себя, что это только в ее голове.

Прошло две недели семестра, а она уже не была в этом уверена.

– Адья, – прошептала она в темноту. – Адья, ты не спишь?

Послышался шорох, вздох, не совсем взволнованный, как ей показалось.

– Теперь нет, – сказала Адья.

– Как ты думаешь, на что это будет похоже? – спросила она. – Ходить по небу?

Последовало молчание. Несколько мгновений она думала, что Адья не ответит. Но потом ее соседка по комнате перевернулась. Свет ночника залил ее черты лица, оставив губы достаточно яркими, чтобы можно было прочитать.

– У меня был приступ, когда мне было тринадцать лет, – сказала она. – Заснула на математике, просто уставившись

в окно. Все мое тело дернулось, и я проснулась. Знаешь это чувство, когда тебе снится, что ты падаешь, а твои руки и ноги реагируют так, как будто ты на самом деле падаешь?

Делейн вспомнила, как она проснулась на лесной поляне, прохладный рассвет позолотил безлистные деревья.

– Да, – сказала она. – Мне знакомо это чувство.

– Было похоже на это, только я никогда не засыпала. После этого все начало неметь. Мое зрение стало как туннель. К тому моменту я лежала на полу. – Она замолчала, и Делейн позволила тишине затянуться.

– Дело в том, – сказала она, – что я знала, что лежу на полу, потому что я могла видеть себя. Весь класс двигался вокруг меня, но я была совершенно неподвижна, другая я стояла на парте в центре комнаты. Не часть моего тела, а другое тело. Как будто меня вытряхнули из самой себя. – Матрас скрипнул, когда она перевернулась на спину. – Я думаю, будет что-то похожее.

– Моя соседка по комнате говорит, что это одна из форм парестезии, – добавила Маккензи со своей импровизированной кровати на полу.

Перевернувшись на живот, Делейн потянулась к лампе от Тиффани между их кроватями. Свет зажегся, наполнив маленькую комнату мягким калейдоскопом красок. Маккензи лежала, свернувшись калачиком, в спальном мешке, подложив под голову снежную плюшевую сову.

– Я думала, ты спишь, – сказала Делейн одновременно со

стоном Адьи:

– Бартлби – это не подушка, Маккензи.

– Я слишком нервничаю, чтобы спать, Лейни-Джейн, – сказала Маккензи, меняя софу Бартлби на плиссированную подушку. – Кажется, я влюбилась в свою соседку по комнате.

– Хейли? – Адья села в постели, ее плед сбился вокруг нее. – В ту, что носит плюшевые комбинезоны?

– У меня только одна соседка по комнате, – сухо сказала Маккензи.

– Я думала, она нам не нравится.

– Не нравится, и я не очень хочу разбираться в этом прямо сейчас, так что не могла бы ты погасить свет? – Маккензи опустила и натянула покрывало на голову. Ее голос прозвучал приглушенно. – Я просто хочу лежать здесь в темноте и размышлять.

Делейн задержала запястье Адьи на полпути к лампе.

– Сначала расскажи нам, что ты имела в виду раньше. О парестезии.

– Это парестезия, – поправила Маккензи, снова появляясь из-под покрывала.

– Маккензи.

– Хорошо. – Маккензи перевернулась на спину, кудри рассыпались огненным нимбом вокруг ее головы. – Принято считать, что пересечение неба оказывает сильное давление на наши нервы. Каждый из нас испытывает свои физические ощущения. Для Хейли это похоже на пауков, ползающих по

ее коже, но у всех по-разному.

– Так что мы понятия не имеем, на что это будет похоже, – сказала Делейн. – Это может быть что угодно.

– Это может быть больно, – хмуро добавила Адя.

– Может. – Маккензи свернулась калачиком на боку, подтянув колени к груди. – Алина Чо с первого этажа слышала слух, что когда Прайс проходит через небо, ему кажется, что он тонет.

– Это ужасно, – сказала Адя.

– Да. – Маккензи ковыряла лак на ногтях. – Но это не реально. Это галлюцинация.

Делейн подумала о подкрадывающейся темноте, о том, как она бормочет, ждет. Она вспомнила мальчика в лесу, его тело, окутанное полутьмой, и то, как она преследовала его сквозь гущу деревьев.

«Подожди, остановись. Я знаю тебя».

Она понимала, насколько реальной может быть галлюцинация. Как ее отпечаток остается с тобой надолго после окончания. Она не могла представить Колтона Прайса, носящего в себе такую боль. Даже призрака такой боли. Он не был похож на человека, который может страдать от чего-либо, не говоря уже о боли.

– У меня завтра экзамен по расчетам, – сказала Адя, прервав ход ее мыслей, – а вы обе не уважаете мой строгий график сна.

– Какой еще строгий график сна? – Делейн высунула но-

гу из-под одеяла, испытывая беспокойство. Тени мгновенно охватили пальцы ее ног. – Вчера ты до трех часов ночи смотрела видео с кошками.

– И это между мной и интернетом, – ответила Адья. – В любом случае это единственное, что я могу сделать, чтобы не думать о лице в зеркале.

– Ты видела его снова? – подавила сочувствующую дрожь Делейн.

– Нет, – ответила Адья, потягиваясь на кровати. Лампа щелкнула, погружая комнату в ночную дымку. – И я не хочу. Но я не могу избавиться от ощущения, что он все еще там, ждет за гранью.

– Это очень жутко.

– Мы все немного жутковаты, – подхватила Маккензи. – Вот почему мы здесь.

Делейн свернулась калачиком, ей было холодно, несмотря на три слоя чистого одеяла, которые она держала под подбородком. Около двери экран телефона Маккензи освещал синим светом ее губы. Потолок озарился его сиянием. Она вглядывалась в слабое тепло тускло светящегося ночника и считала от ста, как это делали ее родители по вечерам, когда звон в ушах заставлял ее царапать лицо. Она досчитала до шестидесяти, прежде чем ее накрыли первые волны сна.

Перед самым сном ей показалось, что она видит фигуру, сторбившуюся на краю кровати Адьи, но когда она проснулась на рассвете, то была уверена, что это был всего лишь

сон.

Послеобеденная встреча Делейн с профессором анатомии человека оказалась столь же обескураживающей, как и встреча по философии с Бофорт.

Она ждала перед деревянной кафедрой с контрольной работой в руках и смотрела вниз на сердитые красные полосы в верхней части своей работы. Ее желудок сжался в комок. Руки были липкими. Снаружи амфитеатра в вестибюле начала собираться толпа прибывающих студентов. Разрозненные обрывки разговоров разносились по комнате как жужжание пчел. Профессор Хаас сидел на жестком каркасе человеческого скелета, сложив руки на животе, длинная лента его галстука была украшена извилистыми позвонками.

– Здесь не будет никакого руководства, – сказал он, его значительный баритон проходил через пустую аудиторию с громкостью, которая заставила Делейн вздрогнуть. – Вы больше не в средней школе. Это ответственность студента – подать заявку на любые необходимые академические корректировки своих курсов. – Он ткнул пальцем в бумажную суматоху на своем столе. – Эти еженедельные контрольные работы составляют одну треть вашей итоговой оценки. Я видел ваше досье. Ваш средний балл не может принять на себя такой удар.

– Я понимаю, – сказала Делейн, решив казаться как можно более покладистой. Ее внутренности были подобны измель-

ченной бумаге.

– А теперь, если вы меня извините, у меня через минуту начнется другой урок. – Со стоном поднялся со стула Хаас.

Как по команде, плотина была прорвана, и студенты начали вливаться в комнату. Убитая горем, Делейн запихнула контрольную работу в сумку, намереваясь убежать. Она не успела сделать и полшага, как резко остановилась. Впереди, как скала среди толпы старшекурсников, стоял Колтон Прайс.

Их глаза встретились. На мгновение ни один из них не сдвинулся с места. Смущение вспыхнуло на ее коже, как горячее, когда она прокрутила в голове последние несколько минут. Открытая критика. Вопиющая снисходительность. Уши горели, она рванулась к двери, отчаянно надеясь, что если она выглядит так, будто спешит, он пропустит ее без замечаний.

Ее надежда угасла в тот момент, когда она едва не наступила на носки его ботинок. Ей удалось остановиться за несколько секунд до того, как она врезалась в его грудь.

– Ты мне мешаешь, – прошептала она в его серый трикотажный свитер.

Он не отступил. В такой близости его значительный рост заставлял ее вытягивать шею, чтобы увидеть его лицо, и она чувствовала себя ужасно маленькой на фоне его худых плеч. Делейн не осознавала того, что происходило в ее животе, когда он смотрел на нее туманным взглядом. Она знала только,

что была в нескольких секундах от того, чтобы расплакаться, и не хотела делать это в его присутствии.

Она протиснулась мимо него, задев плечом его бицепс. К ее удивлению, он сделал полшага за ней, протянув руку, чтобы поймать край двери, прежде чем она успела выбежать в коридор.

– Уэнздей...

– Как много ты слышал? – Она не хотела спрашивать, но вопрос все равно вырвался. Ее глаза заслезились, и она закрыла их, желая, чтобы боль от унижения исчезла. Делейн остро ощутила, как его рука согнулась перед ней, создавая препятствие.

– Достаточно, – признал он.

Делейн не стала ждать, скажет ли он что-нибудь еще. Она лишь протиснулась под его рукой и вышла в вестибюль, стуча сапогами по широкому деревянному полу. Сквозь окна было видно, как небо середины сентября становится все темнее. Не совсем темно, но слишком светло для комфорта. Долгий путь к общежитиям первокурсников был окутан сумерками, тени ползли по тротуарам.

Дверь заскрипела, когда она выходила, Делейн дернули сзади, как будто кто-то протянул руку и остановил ее. Она почувствовала ощутимый вес тела, тепло другого человека, стоящего слишком близко.

– Подожди, – прозвучал мужской голос, достаточно мягкий, чтобы быть вздохом.

Она повернулась на пятках, полностью готовая встретиться лицом к лицу с Колтоном. Она не была уверена, что будет делать, когда увидит его. Упрекнет его? Разрыдается?

Но там стоял не Колтон. Вообще никого не было.

Вестибюль был пуст. Дверь в лекционный зал Хааса была закрыта.

И все же даже сейчас она чувствовала его присутствие. Ощущение взгляда на ее лице. В вестибюле было холодно, будто вечная мерзлота, воздух стал плотным, как шерсть. Она не знала, сколько времени простояла там, застыв.

Колтон находился в самом центре библиотеки, в поисках места для работы, когда услышал это. Одинокий всхлип. Он замедлил шаг, напряг слух, чтобы не слышать шумиху, доносящуюся из архива. Сквозь шелест страниц он услышал его снова – икание, звук на полпути к всхлипу.

Он бы продолжал идти дальше – это был не первый раз, когда он натыкался на плачущего человека среди книг, – если бы не призрачное тянущее чувство в груди. Натянутая, как рыболовная проволока, она тянула его к себе. Он протиснулся глубже в лабиринт книг и заглянул в ближайший ряд. Дремлющая пара лежала на ложе из темно-синих папок для исследований. Рядом, под внушительной стопкой кожаных анналов, сидел изможденный студент младших курсов. Следующие несколько разделов были пусты. В глубоких оконных рамах падало солнце, там, где спали позолоченные мотыльки.

Семью рядами ниже он нашел того, кого искал.

Лейн сидела на полу, скрестив ноги, уткнувшись лицом в руки. Она была одета во все серое и окутана тенью, темнота прихорашивалась у ее ног, как грустный, жалкий котенок. Мгновенно эта адская боль пронзила его кости. Его зубы скрежетали так сильно, что могли треснуть. Он знал: от него ждут, что он уйдет. Он знал это, но что-то в движении ее

плеч заставило его застыть на месте. Подняв руку, он кашлянул один раз в кулак. Лейн резко поднялась, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

– О. – Ее лицо опустилось. – Это ты.

– Пришел сказать тебе, чтобы ты вела себя потише. – Он прижал палец к корешку книги, изображая интерес к названию. – В библиотеке нельзя шуметь.

Она потерла вздернутый кончик носа и ничего не сказала. Полное отсутствие упрека с ее стороны заставило его издевку рухнуть. Она выглядела такой уязвимой, какой он ее никогда не видел, в потрепанном худи и джоггерах, с веточками лаванды в пучке.

Он не мог уйти, но и остаться тоже не мог. Не там, где на них может кто-нибудь наткнуться. Осмотрев полки, он убедился, что за ними никто не наблюдает, а затем указал подбородком в направлении зала.

– Иди за мной.

– Зачем? – недоверчиво сморщила нос Лейн.

Он не ответил. Взял свою сумку и ушел, надеясь, что она последует за ним.

К тому времени, как он добрался до спокойного коридора учебных классов, тугая проволока в его груди спуталась в клубок. Он задыхался, стиснув зубы. Лейн стояла чуть позади него, держа рюкзак перед собой, как щит. Она смотрела на него красными, опухшими от слез глазами.

– У меня не забронирована комната для занятий, – сказа-

ла она.

Он достал из кармана ключ и помахал им перед ее носом.

– Плюсы быть ассистентом преподавателя. Пойдем.

Друг за другом они зашли внутрь. Лейн держалась от него так далеко, как только могла. Дверь захлопнулась за ним с неприятным щелчком. Он сунул ключ обратно в карман. Насупившись, как уличная кошка, Лейн стояла в нескольких шагах от него, перед доской. – Что мы тут делаем?

– У меня работа по мультиверсальным этическим теоремам. – Он бросил свой рюкзак рядом с ее ранцем и опустился на ближайшее сиденье. Из открытого рюкзака Лейн вынулась записная книжка в незнакомом переплете. Он окинул взглядом исписанные каракули и сказал:

– Можешь продолжать плакать, если ты считаешь такие вещи продуктивными. По крайней мере, здесь ты не привлечешь зрителей.

Он не отводил взгляд от незнакомого почерка, когда Лейн притащила стул и плюхнулась на него с гораздо большей силой, чем требовалось.

– Что это? – спросил он, ткнув ноющим пальцем в блокнот.

Лейн посмотрела, куда он указывал.

– Конспекты Адьи по латыни.

– И почему они у тебя?

– Потому что, – сказала она, ковыряя ногтем большого пальца похабный рисунок, который кто-то вырезал на сто-

ле, – мои бесполезны.

Наклонившись вперед, он подтащил блокнот к себе. Как только взглянул на него – пожалел, что сделал это. Верхняя часть страницы была вполне обычной – склонения существительных, список лексики. На полпути вниз чернила расплылись. Начало фразы приобрело форму.

Non omnis moriar.

Давуд написала ее сначала правильно. А потом она написала ее задом наперед. Она перевернула надпись вверх ногами. *Non omnis moriar. Non omnis moriar.* У Колтона похолодело в животе. Он отложил блокнот, металлическая спираль звякнула по дереву.

– Записи тоже кажутся довольно бесполезными, – сказал он, стараясь придать себе отстраненность, которой не чувствовал. Когда он поднял взгляд на Лейн, то увидел ее за тысячу миль от себя. Подбородок упирался в кулак. Смотрит в широкое окно на восточной стене. Солнечный свет превратил цвет ее глаз в жидкий виридиан.

– Уэнздей, – сказал он мягче, чем хотел. Ее взгляд медленно скользнул в его сторону. – Почему бы тебе просто не сказать правду своим профессорам?

– Я не стесняюсь этого, – сказала она, – если ты так думаешь. Просто в тот момент я всегда волнуюсь, что заставлю их чувствовать себя кретинами.

– Может быть, они заслуживают того, чтобы чувствовать себя кретинами.

– Неважно. – Она наклонилась вперед, положив подбородок на руки. – Ты бы этого не понял.

– Может, и нет. Но я точно знаю, что летом ты отправила электронное письмо всем их помощникам. Если они не прочитали письмо, это их вина.

Она молча смотрела на него в течение долгой минуты, сложив ноги по-турецки.

– Мои родители хотели, чтобы я поступила на онлайн-программу, – сказала она, когда тишина затянулась. – Я настаивала на большем. Я хотела получить опыт. – Она сказала это с насмешкой, как будто опыт был чем-то смехотворным. Что-то достойное презрения. – В лекционных залах тысячи звуков. Кто-то переворачивает страницу. Кто-то кашляет. Кто-то продолжает щелкать ручкой. Я думала, что смогу все успевать, если буду просто вести записи. Но это бессмысленно, если в записях полно дыр.

Он подумал о ее нарисованной карандашом бабочке, о том, как слова обрывались и распускались в широкие крылья. Теперь он видел, что еще выглядывало из ее ранца. Экзаменационный лист с сердитой красной надписью «Подойдите ко мне».

– Не то чтобы тебя это волновало, – вырвался смешок у нее.

Колтон хотел сказать ей, что она глубоко ошибается. Его никогда в жизни не волновало ничего больше.

Вместо этого он молчал до боли в костях. В коридоре ми-

мо пронеслась толпа студентов. Через дверь донесся приглушенный смех. Его руки был покрыты короткими волосками. Неповиновение, глубокое нарушение дисциплины. Ножки его стула зашатались по плитке, когда он встал, призывая Лейн сделать то же самое.

– Иди сюда.

Ее глаза проследили за ним, когда он двинулся к окну.

– Зачем?

– Я хочу показать тебе кое-что.

Неохотно она присоединилась к нему у самой восточной стены. За куполообразной крышей студенческого центра находился редкий лес. Его чаща из сросшихся дубов упиралась своими когтями в небо. По краям его окаймляли вечнозеленые деревья.

– Посмотри туда, за деревья, – сказал он. – Что ты видишь?

Она приподнялась на носочки, глаза сузились.

– Еще больше деревьев.

Прислонившись виском к нагретому солнцем стеклу, он посмотрел на нее сверху вниз.

– Как человек, который не любит давить на больное, ты без проблем задеваешь меня.

Она нарисовала сердечко в сером облаке собственного дыхания и не обратила на него внимания.

– О, подожди. – Кончик ее пальца замер на стекле. – Я кое-что вижу. Там маленькая крыша, выглядывающая из-за

деревьев.

Он остался стоять у окна, наблюдая за ней.

– Как много ты знаешь об истории Годбоула?

– Я пропустила эту часть приветственного письма, – призналась она.

– Тогда я расскажу тебе все вкратце, – сказал он, – потому что это очень важно для того, что я сейчас собираюсь сказать.

Это привлекло ее внимание. Она наклонилась к нему, ее руки исчезли в манжетах рукавов.

– Деван Годбоул был посмешищем незадолго до того, как стал академическим триумфатором, – сказал он. – Никто не верил в его теорию о скольжении между мирами. Его годами высмеивали в международных научных советах, пока Уайтхолл не нашел его.

Лейн застыла в восторге, заслоненная его тенью, развязывая и вновь завязывая шнурки на своей кофте. Первая волна возбуждения пробежала по Колтону. Он не говорил ей ничего прямо запрещенного, но был опасно близок к этому.

– Годбоулу нужен был финансист, – продолжал он. – Уайтхоллу нужен был человек с даром предвидения. Следующие несколько лет они провели, следуя за измерителем электромагнитных полей по всему миру, нанося на карту лей-линии от одной страны к другой. Они были в Уилтшире, когда нашли это – пальцы Годбоула зацепились за изгиб. – Как рассказывает Уайтхолл, это был приятный, солнечный день в

Англии, когда Годбоул разделил небо и посмотрел на другую сторону и увидел, что идет дождь.

Лейн нахмурилась, ее слезы высохли, от них не осталось и следа.

– Какое отношение все это имеет к дому в лесу? Уайтхолл называет его Святилищем. Они шли по древней гробовой дороге через сельскую местность, когда впервые обнаружили разрыв. Он проходил вдоль основания старого каменного фундамента. Я не знаю, почему они вернули его обратно. Возможно, из-за сентиментальности. Но они разобрали фундамент и доставили камни из Англии.

Это было за два года до аккредитации Годбоула. Вскоре после этого, за шесть месяцев до того, как была перерезана ленточка на большом стеклянном монолите Годбоула, Деван Годбоул пропал. Без вести. Без всякого предупреждения. Исчез. Как птичка, как будто он выпорхнул из одной реальности в другую. И больше не появлялся.

– Уайтхолл воздвиг Святилище в честь Годбоула, – сказал он. – Оно было построено из тех же камней, которые они привезли с собой из Англии.

Делейн уставилась на Колтона, ее рот перекосялся на одну сторону. Он хотел бы знать, что творится у нее в голове. Что она думает о нем, когда ее разум утихает.

Как будто Колтон озвучил свое желание, она произнесла:
– Я пытаюсь понять, как это связано с тем, что я завалила

учебу.

– Ты не завалила учебу, – сказал он. – Не надо так драматизировать. И дело вовсе не в тебе. Дело в конспектах, которые дала тебе Давуд. Все эти амбиграммы на латыни? У нее диссоциативный блок.

– А что это такое? – пальцы Лейн сжались на завязках кофты.

– На днях я подслушал часть ее супервизии на встрече с Уайтхоллом. Она пытается выбраться из своей головы, верно?

– Верно.

Он не должен был приближаться. Ему запрещено узнавать ее. Но никто не говорил, что он не может обсуждать ее соседку по комнате.

– Астральная проекция, которую пытается осуществить Давуд, похожа на то, как если бы вы толкнули вращающуюся дверь, – объяснил он. – Дверь не повернется, если с другой стороны ее толкает кто-то другой.

– Что это значит? – во взгляде Лейн читалось, что ей некомфортно.

– Это значит, что она не может выйти, потому что нечто другое пытается войти. Вот почему ее тетрадь заполнена мертвым языком. Слова исходят не от нее. – Он постучал костяшкой пальца по стеклу. – Ты должна отвести ее в Святилище.

Она снова приподнялась на носочки, выглянула в окно и

посмотрела на лес.

– Почему туда?

Он пожал плечами.

– Некоторые люди считают, что камни служат местом сосредоточения сверхъестественной энергии.

– А ты что думаешь? – ее пристальный взор остановился на нем.

– Я думаю, что там грязно и воняет травой. Но если Давуд ищет ответы, стоит попробовать.

По тому, как Лейн сморщила нос, он понял: она пытается понять, стоит ли ему доверять. *Нет*, хотел он сказать ей. *Определенно нет*. Колтон хотел сказать ей, что она должна держаться от него подальше. Делейн должна перестать приносить ему кофе. Она не должна приходить рано на занятия. Она должна любой ценой избегать его.

Он никогда бы не сказал ей ничего из этого. Эта близость, ее близость, впивалась в него зубами. Эта чудовищная боль пронизывала его до костей. Осознание зажглось в нем, как фитиль. Он примет ее, понял Колтон. Нарушит правила. Он скорее будет рад этой медленной, неразрешимой развязке, чем альтернативе не знать ее вообще.

Сжав пальцы, он засунул руки в карманы. Он надеялся, что она не заметила, как они дрожат. Как можно бесстрашнее он сказал:

– Я могу помочь тебе с занятиями, если хочешь.

Делейн не всегда могла слышать гудение в тишине. Когда она впервые потеряла слух и долгое время после этого она слышала только пронзительный звон в ушах. Иногда, уже позже, когда она была уставшей или несосредоточенной, когда она зависала на грани между сном и бодрствованием, пронзительное вибрирование звона в ушах приобретало форму. Звук становился гулом, гул – словом. Ропотом. Вздохом. К тому времени она была слишком взрослой для игр. Порезы на коленях превратились в шрамы. Она перестала рассказывать свои секреты темноте.

– Я сплю, – говорила она себе и закрывала глаза. – *Это всего лишь сон.*

Сейчас она не спала. Она бодрствовала. Стояла в лесу, солнце позднего вечера падало на деревья. Перед ней был дом.

Святылище.

В целом, это было довольно непритязательное строение. Неровная серая каменная кладка была украшена витражами и увенчана крутой мансардной крышей. Оно напоминало дитя скромной часовни и избушки Бабы-яги – словно не могло решить, то ли ему подать сигнал о призыве к богослужению, то ли отрастить пару куриных ножек и удрать через лес.

Более того, оно говорило с ней.

Гул в голове пронесся по всему телу, протекая через нее рекой звуков. Она попятилась назад по протоптанной тропинке и смотрела, как тьма вытекает через зияющее пространство открытой входной двери. Она бурлила, как шампанское, пенилась на губах, пьянила, зверствовала и манила. Лейн не хотела заходить внутрь.

Она вообще не хотела приходить, но Делейн, как по заказу, превратилась в покладистого человека, и ей не удалось отговорить Адю и Маккензи от того, чтобы они взяли ее с собой, как только она вбила им в голову эту идею.

Внутри она обнаружила Адю, сидящую на прочном дереве, тонущую в плиссированной вязке своего свитера. Свет стоящей рядом лампы отражался в лазурных волнах ее хиджаба, мерцал во вращающихся гранях ее кулона.

В нескольких футах от нее Маккензи сидела за белым складным столом, лениво перетасовывая колоду карт Таро.

– Ты должна сказать ему, что сделаешь это, – сказала Маккензи, не поднимая глаз.

Делейн остановилась, осматривая ржавую тележку, уставленную изношенными экземплярами полинявших книг в мягких обложках и твердых переплетов. На боку шатко держалась ламинированная табличка: «Не будь мудаком. Если берешь книгу, оставь книгу».

– Сказать, кому и что я буду делать?

– Цена. – Маккензи собрала рассыпавшиеся карты в свою колоду и начала тасовать. – Скажи ему, что будешь занимать-

ся с ним.

Делейн положила экземпляр «Над пропастью во ржи» без обложки на место среди остальных книг. Она никому из них не сказала о предложении Колтона. Лейн старалась не думать об этом вообще – о том, как близко они стояли, как их пальцы почти соприкасались. О его глубоком взгляде. О дрожи в его руках.

– Не смотри на меня так, дорогая. – Маккензи переворачивала карты одну за другой, бегло щелкая, раскладывая их перед собой. Утопленник. Верховная жрица. Любовники. – Я же не читаю твой дневник. Я не могу не видеть эти вещи. Это как чих – приходит из ниоткуда.

– Это вмешательство, – сказала Адья, не отрывая взгляда от кулона. – Ты сорняк. И еще, ты слишком много говоришь.

– Неважно, говорю я или нет. Ты не можешь просто убрать психический блок. Он должен выйти наружу.

– Как заноза, – размышляла Адья.

– Конечно. – Маккензи собрала свои карты. – Как заноза.

Перемешав колоду, она провела ногтем большого пальца по верхней части, угрюмо осматривая ее.

– Кстати, я посмотрела фразу, которую ты записала в блокноте. *Non omnis moriar?* Это слова поэта Горация. Означают «Я не умру окончательно».

Последовал удар. Звук ослаб, скользнул в сторону. Становясь непонятным. Глубоко в голове Делейн раздался еще один звук. Звонкий, как пение птиц, резкий, как свист, про-

тяжный, как гул.

– Что бы ни пыталось проникнуть в голову Адьи, – сказала Маккензи, звуча так, словно говорила под водой, – у него довольно сильный лозунг.

Звон между ушами Делейн достиг такого пика, что у нее задрожали глаза. Она сжала переносицу и медленно выдохнула, с каждой минутой все больше жалея об этой экскурсии.

– Я пойду осмотрюсь, – сказала она, уже направляясь вглубь пустого здания. Маккензи позвала ее за собой, но она быстро скрылась из виду, пройдя под аркой, обрамленной веретеном, входя в сводчатый навес самого большого внутреннего помещения.

Здесь угасающий свет падал сквозь решетки тонкими струйками цвета мерло, окрашивая всю комнату в красный цвет. На полу выстроился ряд жестяных банок, каждая из которых была набита письменными принадлежностями. Рядом в перевернутом ящике из-под молока стояла банка для ругательств, на которой кто-то написал слово *fubar*. стакан был набит мелочью. Стены были исписаны, и, подойдя ближе, она увидела, что это были имена. Она включила фонарик на своем телефоне и просканировала список, проводя пальцами по граффити, пока не дошла до нескольких имен, которые узнала. Эрик Хейс был написан перманентным маркером, буква «Э» была значительно больше остальных. Рядом с его именем стоял номер. Следом некий Джулиан Гузман нацарапал свое имя и соответствующий номер в виде кури-

ных следов. Под ним стояло имя, которое она знала, почерк был до ужаса одинаковым.

Колтон Прайс.

Она проследила за буквами, проведя кончиком пальца по аккуратной кривой линии буквы «л», кропотливой черточке «й», осторожной петле нуля рядом с ней. Странно, что она неделями вращалась вокруг него по орбите, а теперь столкнулась с ним самым необычным образом. После того, как каждое утро он оставался невозмутимым, его внезапное предложение помочь ей с курсовой работой было похоже на удар плетью, головокружительный и неопределенный. И все же ее успеваемость падала. Стипендия была под угрозой. В кампусе, полном необычных студентов, она быстро становилась кем-то совершенно обычным. Она была всего в нескольких тройках с минусом от того, чтобы вылететь из университета.

Лейн была не в том положении, чтобы отказаться от его предложения.

Она опустила руку на пол и черкнула перманентным маркером из помятой жестяной банки. Свет от ее телефона окрасил список в бледный серебристый цвет. По собственной инициативе она добавила свое имя рядом с именем Колтона. Когда она наклонилась, чтобы подуть на еще влажные чернила, ее взгляд остановился на имени прямо под ними.

Имя Нейт Шиллер, написанное пышным почерком, который был скорее похож на произведение искусства, чем на ав-

тограф.

«Это я», – раздался голос прямо за ее спиной.

Она вскрикнула, выронив телефон и маркер. Она увидела собеседника, распростертого на потертом кресле лососевого цвета, его руки лежали на согнутых коленях. Бледные, беспорядочные кудри выбились из-под капюшона, и отсюда она могла видеть белый клубок наушников, скрывающихся в его толстовке.

Дергая за крючок в подушке, он сказал:

– Извини. Я не хотел тебя напугать. Просто – это мое имя, на которое ты смотришь. Я подумал, что будет забавно написать его таким образом. Однажды мама заставила меня пойти на курсы каллиграфии. Она думала, что это поможет мне справиться с моим дерьмовым почерком. – Набивка из подушки рассыпалась по полу, куда он ее стряхнул, и он добавил: – Но это не помогло.

Делейн убрала руку от сердца.

– Ты Нейт?

– К сожалению, – сказал он, самодовольно усмехаясь.

– Я Лейн.

– Я знаю. – Затем поспешно добавил: – Я не жуткий тип.

Слышал, как ты и твои друзья разговаривали.

– Ты не жуткий, – повторила она, – и все же ты сидишь здесь в темноте один. Прости, но это определение понятия «жуткий».

Он сел и потянулся, почесывая макушку головы через ка-

пюшон.

– Справедливости ради, – сказал он, зевая, – когда я пришел сюда, было еще светло. И я поздоровался, когда ты только вошла, но не думаю, что ты меня услышала.

– Ох. – Она пошаркала носком ботинка по полу. – Да, наверное, не услышала. У меня не самый лучший слух.

Он отмахнулся от нее, вытаскивая наушники из ушей.

– Зачем ты добавляешь свое имя в список мертвецов?

Замешкавшись, она оглянулась на стену имен.

– Что?

– В список мертвецов, – повторил он, выделив слова. – Вот для чего номера. Это ставки. Каждый на этой стене либо умер, либо умрет.

В ее груди вспыхнула тревога. Она уставилась на него, не зная, как понять его тон. В широком серебристом свете ее фонарика плясали пылинки.

– Шучу, – сказал Нейт, когда она замолчала. – Типа того. Мы действительно делаем ставки. Плюс Джулиан Гузман там, наверху, и он мертв. Это во всех местных новостях в Иллинойсе. Якобы он погиб в результате столкновения. Предположительно. И другие пропали без вести.

– Прости, – сказала Делейн, не дослушав, – кто еще пропал?

– Райан Перетти, – сказал он и ткнул пальцем в стену имен. – Он был старшекурсником, но не был допущен к занятиям в этом семестре. И еще Грег Костопулос. Мы с ним

вместе проходили курс физики, но его не было на занятиях всю неделю. Кто-то сказал, что у него грипп.

– Но ты так не думаешь. – Делейн взяла свой телефон и выключила фонарик, оставив их в пурпурной дымке заката.

– Не думаю.

– Потому что ты считаешь, что они оба мертвы.

– Они в списке, – пожал плечами Нейт.

– Как и ты, – заметила она.

– Как и я. – В его голосе звучала печаль, когда он откинулся на спинку кресла и вставил наушник в левое ухо. – А теперь и ты тоже. Разве твои родители не говорили тебе всегда читать то, что подписываешь?

Крик наполнил пустоту зала, гулко отдаваясь между стенами.

Делейн чуть не выронила телефон во второй раз.

Нейт нахмурился и посмотрел в сторону притвора.

– Что это было?

– Моя соседка по комнате, – сказала Делейн. – Я думаю, надо проверить, как она. Я собираюсь пойти убедиться, что с ней все в порядке. Ты собираешься уходить? Уже совсем стемнело.

Он вставил второй наушник. Черты его лица были неясными под сумрачной дымкой, вместо улыбки проплывали тени. С такого расстояния она не могла разобрать цвет его глаз.

– Я, пожалуй, побуду здесь еще немного. Не очень люблю

людей.

– Понимаю, – сказала Лейн, потому что и она не любила людей. Девушка чувствовала забавное родство с ним – с этим мальчиком, который не возражал против небольшого одиночества. Впервые с начала семестра ей показалось, что она наконец-то столкнулась с кем-то похожим – Ну что, увидимся в кампусе?

Его глаза вспыхнули в слабеющем свете.

– Конечно, – сказал он. – Увидимся.

Она поспешила уйти от него, запах паров маркера преследовал ее.

Лейн нашла Адью и Маккензи там, где оставила их: последняя протягивала первой бутылку воды, одной рукой растирая круги на спине. Карты Таро были разбросаны по полу, как будто их подбросило сильным ветром.

– Что случилось? – спросила Делейн, остановившись.

Адя ответила не сразу. Закрыв глаза, она потерла их ладонями. Кулон лежал на земле перед ней, разбитые кусочки хрусталия отражали свет. На одном дыхании она сказала:

– Я видела его.

– Того же мальчика, что и раньше? – Делейн наклонилась и начала собирать карты Маккензи, у нее сводило живот.

– Думаю, да, – сказала Адя, отпив воды. Ее взгляд был темным в скудном свете, на черной бахrome ресниц блестели слезы. – Я не видела его лица.

Делейн подумала о стене имен, о Нейте Шиллере, освещенной лампой.

ценном красным светом утопающего солнца. *«Все на этой стене либо умерли, либо скоро умрут»*. Внезапно это показалось не таким уж надуманным.

– Ты в порядке, – сказала Маккензи, когда Адья с содроганием выдохнула. – Ты в порядке, просто продолжай пить воду.

Делейн потянулась за другой картой и быстро отдернула руку. На кончике ее пальца блеснула струйка крови. Посасывая порез от бумаги, она посмотрела на карту. Дьявол улыбался ей, высунув язык и распушив хвост.

– Он тебе что-нибудь сказал? – спросила она, все еще посасывая рану на пальце.

Адья взглянула на Лейн большими, круглыми глазами.

– Нет, – сказала она. – Он был разорван на части.

10

Апостол сделал звонок ночью, как и всегда. Он стоял в своем кабинете на втором этаже большого таунхауса в Нью-тоне, озаренный серебристой луной в большом эркере. Как и всегда. В углу оживала тьма. У нее выросли руки, тонкие и тянущиеся. Она наблюдала, выжидая, ее улыбка была рассечена лунным светом.

Как и всегда.

Он делал все возможное, чтобы не обращать на нее внимания.

Он надел свой банный халат из тонкого хлопка, украшенный его инициалами. Его тапочки, на один размер меньше, были рождественским подарком жены. Телефон был стационарным. Сегодня он казался тяжелее, чем обычно.

Телефон пропустил гудок один раз. Два раза. Три. Он не любил, когда его игнорируют. Апостол прижал большой палец к отполированному стеклянному корпусу слева от себя.

Он возвышался на тяжелом основании, обесцвеченный белый кусочек кости лежал в скошенной табакерке. В лунном свете его изгиб отливал цветом слоновой кости, а края были остры, как кинжал. Материальное доказательство обширного влияния Приората. Доказательство того, что посвящение мальчика, способного разорвать небо между мирами, было действительно стоящей инвестицией.

Раздался четвертый гудок. Он начинал сердиться. Ходил, крутя диск набора номера, не сводя глаз с некротического осколка. Это была его лампа джинна, его монета Харона. Его частичка души Кощея, спрятанная внутри иглы, внутри яйца, внутри маленького деревянного сундучка в маленьком стеклянном футляре на втором этаже таунхауса в Ньютоне.

На другом конце провода раздался голос.

– Я только что окончательно провалил этот уровень.

Апостол закрыл глаза. Открыл их снова. Кость сверкала зловещим блеском.

– Я звоню тебе уже второй раз.

– Правда? – Апостол услышал непрерывный шум игры. – Богам Валгаллы понадобилась моя помощь.

– Уверяю тебя, я не знаю, что это значит.

Апостол услышал цифровой звон мечей, компьютерный звук чьей-то ужасной смерти.

– Прибей его, – сказал Колтон Прайс, но не ему. Затем: – Тебе следует углубиться в игры. Это может быть полезно для твоей болезни.

Он не мог понять, как разрубание огров на куски мечом может быть хоть немного полезно для его болезни, но Апостол воздержался от того, чтобы сказать это вслух. Вместо этого он закрыл глаза и вздохнул. Он считал в обратном порядке от десяти, как ему вежливо посоветовал психотерапевт в качестве метода подавления агрессии. Дело заключалось не в том, что он был злым человеком по натуре, просто

Колтон Прайс мастерски умел давить на нервы. Приорат положил глаз на Прайса в тот самый момент, когда он прибыл в Годбоул. Они предложили ему стать кандидатом не потому, что он поспешил, а потому, что он был, безусловно, лучшим в своем деле. Чудо, этот мальчик, обманувший смерть, выросший в мужчину, способного разорвать небо.

Но нельзя было отрицать, что с Колтоном Прайсом было трудно работать.

– В плане произошла небольшая неувязка, – сказал Апостол.

Прайс втянул воздух сквозь зубы.

– Я бы сказал, что Джулиан Гузман – это немного больше, чем неувязка.

– Еще не все потеряно. У нас все еще есть Костопулос.

Снова звон: сталь встретилась со сталью. Раздался вопль, высокий и звонкий крик.

– Он не сможет справиться, – сказал Прайс. – Это как канарейки в угольной шахте. Может, тебе стоит принять знак за истину.

Его глаз начал дергаться. Он потер его пальцем, сдерживаясь, чтобы не закричать.

– Напомни мне, что Томас Эдисон говорил о неудаче.

Он знал, что Прайс знает. Мальчик был ходячей энциклопедией, непростительно самодовольный в осознании того, что он, как правило, самый умный человек в комнате.

– Я не терпел неудачу десять тысяч раз, – сказал он сквозь

приглушенный лязг мечей, – Я успешно нашел десять тысяч способов, которые не сработали.

– Один из них работает, – настаивал Апостол и больше ничего не говорил. В наступившей тишине Прайс разразился смехом.

– Хорошо, – сказал он. – Я слышу, как вы раздражаетесь. Разбейте еще несколько лампочек. Убейте еще несколько канареек. Мне все равно.

– А зря. Мне напомнить тебе, что результаты этого проекта касаются как тебя, так и меня?

Игра подала звуковой сигнал. Прозвучал победный звонок.

– Возможно.

Апостол нахмурился и посмотрел на свой телефон. Ему не понравился этот ответ. «*Возможно*». От него воняло воинственностью. С Колтоном Прайсом, с тем, что текло по его венам, его нужно было очень тщательно контролировать. Он был не мальчишкой, он был оружием. И он знал это.

– Надеюсь, вы не теряете бдительности, мистер Прайс.

– Ни капли, – ответил он, не пропуская ни одного удара.

– Правда? – Апостол прижал руку к корпусу. Костяной осколок подмигнул ему молочно-лунным светом. – Потому что мне доложили, что вы проводите свои утра с мисс Майерс-Петров.

В кои-то веки уставший Прайс не ответил остроумно. Для любого другого человека это молчание показалось бы сожа-

лением, но апостол знал наверняка. Колтон Прайс ни дня в своей жизни не раскаивался. Как правило, он был абсолютно презрителен. Молодой человек был не из тех, кто утруждает себя оправданиями. Скорее всего, ему было все равно, что его поймали. На заднем плане игра началась заново. Что-то зарычало, звук был звериным в тишине.

– Ты знаешь, чем рискуешь, – напомнил ему Апостол. – Ты знаешь, какую цену заплатишь, если станешь бесполезным для Приората.

– Я не собираюсь становиться бесполезным.

– Тогда держи дистанцию. Надеюсь, Микер передал тебе отчеты?

– Да, – сказал Прайс. – Папки у меня.

– Изучи их. Ищи закономерности. Выясни, что другие сделали не так. Это твоя работа. Это единственная работа. Больше ничего не нужно.

Связь оборвалась. Апостол оторвал телефон от уха. Тот был горячим в его руке. Во время разговора облака опустились на луну, приглушив свет, и он падал сквозь стекла нечеткими полосами. Костяной осколок почернел, превратившись в обсидиан во мраке. Это вызвало – хотя и не должно было – беспокойство. Он подошел к письменному столу и опустился в кресло, слегка вздрогнув от скрипа кожи под ним. В дальнем конце комнаты тонкие темные руки начали приближаться. Когти впились в пол. Голова срослась, и от ее неестественности у него похолодело сердце. Он ста-

рался не смотреть на фигуру прямо, пока тьма, пошатываясь, поднималась на ноги, череп был впалым, рот зиял, как рана. Комнату пронизывал запах гниения, плесени, ужасающий и стойкий. Последние десять лет он пытался выветрить эту вонь. Окна открыты, свечи горят, освежители воздуха развешаны. Это было бесполезно.

Вонь смерти была во всем, что принадлежало ему.

– Уходи, – сказал он раздраженно. – Я разберусь с этим.

Этот ужасный мрак улыбнулся страшной улыбкой. Когда тьма заговорила, ее голос был полон холодных, скользких ноток.

– Мы вместе, – сказало оно. – Мы с тобой.

– Ты все время так говоришь, – сказал апостол, – но я один делаю всю работу.

– Все так, как ты хотел, – пропела тьма, что, по его мнению, далеко от истины. Все было не так, как он хотел. Именно в этом и заключалась проблема. В дальнем конце комнаты что-то стукнуло. Звук был тяжелым. Он ненадолго задумался о том, чтобы включить свет, но потом передумал. Он понял, что гораздо хуже смотреть на это ужасное лицо. Видеть его разбитым и раздробленным. Видеть, как оно смеется над ним.

– Мальчик пойдет за ней, – прокричала темнота, притягивая к себе. – Он будет преследовать ее и идти за ней. И тогда, – сказало оно, заливаясь ликованием, – и тогда, мой дорогой, мой любимый, мой Дикки, она станет твоей поги-

белю.

В первый раз Лиам позволил Колтону пойти с ним на тренировку, когда ему было шесть лет. Он был слишком мал, чтобы участвовать в игре, но с удовольствием сидел на скамейке и смотрел, как играет его брат. Рядом с ним стояла серебряная стереосистема, которую Лиам взял с собой из дома. Через овальные динамики звучала старая микстейп-лента их отца. Зажав горячее какао в рукавицах, он изо всех сил старался быть диджеем для Лиамы и его друзей.

– Нам нужно что-то эпичное, – крикнул ему Лиам, его дыхание превратилось в кристаллы. День был серым и промозглым. Снег валил боком и падал шквалами, как дождь. На льду синяя лыжная куртка Лиамы стала черной от слякоти. – Что-то, под что мы можем победить. Как гимн.

В шесть лет Колтон еще не знал, что такое гимн, но уже знал что-то эпичное. На отцовской кассете было полно песен 80-х годов – тяжелых металлических хитов и хард-роковых баллад, от которых тряслась вся скамейка. Он остановился, когда до него дошли начальные ноты чистого гитарного риффа. В этом звуке было что-то скрытое. Что-то волнующее. Перкуссия барабанов билась в его груди. Вонзилась в него, как когти. На льду голова Лиамы поднялась, и он показал Колтону большой палец, поднимая клюшку.

– Молодец, Си Джей! Оставь это!

В кабинете Уайтхолла было темно, его освещал только зеленый стеклянный колпак настольной лампы. Он отбрасывал тени на широкие дубовые панели, окутывая Колтона и его открытый ноутбук желтым светом. Телефон лежал на столе лицевой стороной кверху, наушники лежали клубком там, где он их выбросил. Начальный рифф гитарного соло эхом отдавался в колонках. Аккорд ми-минор, запечатленный в его подсознании. *Say your prayers, little one, don't forget, my son.*

Он выключил телефон. В помещении воцарилась тишина. Она казалась холодной и тяжелой. Ему стало не по себе. Он взглянул на часы и увидел, что прошло всего две минуты с тех пор, как он проверял их в последний раз. Две минуты, а ему казалось, что прошло десять. Ему не нравилось, когда время тянулось таким образом. Когда оно замедлялось до почти неподвижного состояния. Это было похоже на застревание во сне, где его ноги были сделаны из свинца. Невозможно бежать. Невозможно плыть. Темнота приближалась. Его рот был полон воды.

Когда он поднял голову, в дверном проеме появилась фигура.

– Жутковато, что ты предпочитаешь вот так сидеть в темноте, знаешь ли. – Эрик Хейс не стал здороваться, вошел в кабинет и включил верхний свет, когда дверь за ним захлопнулась. В мгновение ока маленькое помещение залил слиш-

ком яркий свет. Колтон боролся с желанием прикрыть глаза. В зеркальной темноте большого окна плыли мутные отражения людей, их очертания были неправильной формы. – Слышал новости от Апостола?

– К сожалению. – Колтон закрыл свой ноутбук. – А ты?

– Нет, с тех пор как Гузман был найден мертвым. Мне это не нравится. Что же мы слушаем? – Он взял наушники Колтона и вставил один в свое ухо. – Ну ты и больной, Металика? Я не считал тебя фанатом металлической музыки.

– Я не фанат, – сказал Колтон. Это не было ложью.

Хейс пристально посмотрел на него. Колтон проигнорировал его и вернулся к ноутбуку, прокручивая на доске обсуждение задания предыдущего вечера.

Уголком глаза он заметил, как Хейс выдернул наушник из уха и покрутил его между большим и указательным пальцами. Он чувствовал, как тот обдумывает свои следующие слова, готовясь их выдать.

– Слушай, – сказал он, постукивая наушником по столу, – моя младшая сестра очень любит мюзиклы. Это не мое направление, но она поглощена этим. Она всю жизнь занималась театром и танцами.

– И это касается меня, потому что... – сказал Колтон, не отрываясь от компьютера.

– Я просто говорю. Если бы она когда-нибудь умерла, не думаю, что смог бы вынести это – слушать ее мелодии изо дня в день.

Колтон замолчал. Его палец завис над сенсорной панелью ноутбука. Приняв его молчание за приглашение, Хейс пригнулся к стулу и опустился на него, раскинув ноги.

– Ты сегодня мучаешься больше обычного. Это меня напрягает.

Колтон закрыл свой компьютер и откинулся назад настолько сильно, что скрипнули пружины кресла Уайтхолла.

– Есть ли причина, по которой ты здесь?

– Разве парни не могут хотеть потусоваться вместе? – сжал челюсти Хейс.

Единственным ответом Колтона был непоколебимый взгляд. Хейс со стоном сдался.

– Ладно. Вчера после занятий я отправился на пробежку. Когда вышел на лесную тропу, я увидел, что в Святилище горит свет, и решил заглянуть и все проверить.

– И? – Колтон сидел совершенно неподвижно. – И что ты нашел?

Хейс размял свои пальцы до хруста в костяшках.

– Я почти уверен, что видел, как твоя девочка флиртовала с Нейтом Шиллером.

На полке позади Колтона тяжелые часы отсчитывали секунды. От их тиканья, звона, стука ему хотелось вырваться из своей кожи.

– Не может быть.

– Она говорила с тобой, не так ли? – Хейс откинулся на спинку кресла с мрачной миной.

– Это не то же самое.

– Уймись, это почти одно и то же. – Хейс выбил каблук своего ботинка. – Если она и Шиллер дружат, ты ведь понимаешь, что это значит?

Он понимал.

Он прекрасно все понимал.

Тихий стук в дверь не позволил ему ответить. Хейс взглянул на него, нахмурившись.

– Ты сменил график своей работы?

– Нет, – произнес он. Затем, более громко, сказал: – Открыто.

Дверь отворилась, и появилась Лейн, свет из коридора разлился вокруг нее в виде ауры. Ужасная боль вонзилась в его кожу. Она пронзила его насквозь, как вступительный рифф баллады колотил в его грудь в тот снежный зимний день у пруда. Он торопливо сжал ладонь в кулак.

– Уэнздей, – сказал он так деликатно, как только мог. – Могу я тебе помочь?

– Да, в общем-то. Мы можем поговорить? – Ее зеленые глаза бросились на Хейса. – Наедине?

С ухмылкой, от которой Колтону захотелось ударить его по губам, Хейс облокотился на спинку стула и поставил ботинки на стол.

– Все, что тебе нужно сказать Прайсу, ты можешь сказать и мне.

– Оу. – Лейн посмотрела на Колтона. Тот опустил свою

голову и пристально посмотрел в ответ.

– Хорошо. – Она уперлась носком ботинка в пол. – Я обдумала твоё предложение и решила принять его.

Колтон чувствовал, как Хейс наблюдает за ним, ожидая, что он сможет все испортить. Он хотел сказать тысячу разных слов. Вместо этого ответил:

– Я не уверен, о чем ты.

Лейн моргнула, перестраиваясь.

– На днях, – сказала она, как будто он мог просто забыть, – ты сказал, что поможешь мне с учебой.

Он провел достаточно времени, глядя на своих демонов в зеркале, чтобы знать, что улыбка, которую он ей подарил, была холодна до костей.

– Если у тебя трудности на занятиях с Уайтхоллом, ты можешь записаться на прием в мои рабочие часы, как и все остальные.

Лейн уставилась на него, в ее глазах застыли круги удивления. На щеках появился румянец. Никогда еще он не чувствовал себя таким придурком.

– Хорошо. Конечно. – Она отбивала слова по одному слогу за раз. – Прости, что побеспокоила тебя.

Она не стала дожидаться ответа. Вместо этого повернулась на каблуке, черный подол ее юбки взметнулся вверх. Дверь захлопнулась, и от ее ухода задрожали безделушки на полках. В этом звуке ощущалась абсолютная законченность. Как камень, брошенный на свежую могилу.

Колтон закрыл глаза. Прислушался к приглушенному стуку ее ботинок, переходящему в тишину.

– Вау, – это все, что сказал Хейс.

– Не начинай.

– Это было жестоко.

Колтон еще глубже погрузился в свое кресло и решил не отвечать.

– Будь со мной откровенен на секундочку, – сказал Хейс. – Тебе нравится, когда тобой помыкают?

– Никто никем не помыкает.

– Пока нет, может быть. Но что будет, когда она поймет все?

Когда Колтон не дал ответа, Хейс встал, чтобы уйти.

– Только не будь идиотом. Ты не единственный, кому есть что терять. Мы близки к цели, ясно? Ты же знаешь риски. Мы не сможем закончить без тебя.

Колтон снова промолчал. Хейс тяжело вздохнул.

– Слушай, она действительно так важна?

– Да, – ответил он на вопрос Хейса. Одно слово. Слишком маленькое, чтобы выдержать неподъемный вес правды. Была ли она важна? Была ли важна Делейн Майерс-Петров? Вопрос был смехотворным, и он рассмеялся над ним. Звук вырвался из него совершенно невеселым раскатом.

– Да, – повторил он.

Хейс хмуро посмотрел на него.

– Тогда оставь ее в покое, Прайс. Пока ее из-за тебя не

убили.

Делейн не смогла успешно сдать экзамен по математике в понедельник. Дело было не в том, что она не понимала правильного порядка действий, несмотря на то, что ее записи были в основном изрисованы бабочками. Дело было не в том, что она не уделяла время учебе, ведь стол перед ней был завален газетными вырезками.

Дело было в том, что Адья все больше убеждалась, что стала свидетельницей убийства.

– Что именно ты имела в виду, – спросила Маккензи, откидываясь на спинку стула на дальнем конце стола, – под «разорван на части»?

Рядом с ней Адья сделала глоток чая и ничего не ответила. Студенческая кофейня была заполнена, вокруг них столпились молодые люди. Серебристый сентябрьский дождь барабанил по окнам.

Делейн грызла колпачок своей ручки и изо всех сил старалась следить за прерывистым ходом разговора.

Не обращая внимания на молчание Адьи, Маккензи продолжила:

– Ты бы сказала, что его разделали, как рыбу? Или это была скорее легкая порка?

Адья поставила свою кружку на стол.

– Маккензи, если ты будешь продолжать говорить об этом,

меня стошнит. Кстати о тошноте, что у тебя на голове?

– Это шапка детектива. – Маккензи поправила на голове шапочку охотника на оленей.

– Ты выглядишь просто нелепо. Где ты вообще ее нашла?

– На театральном факультете. Соберись, ты сбиваешь нас с пути.

– Нейт сказал, что некоторые студенты не появлялись в этом семестре, – вызвалась Делейн, когда наступило затишье, чтобы она могла спокойно говорить. В кафе звучал альтернативный рок, грохот эспрессомашины, звон столового серебра. Все это слилось в неразличимый шум, который поглотил голоса ее собеседниц.

– Давай вернемся к этому. – Маккензи повернула свой стул так, что откинулась на его спинку, перекинув руки через спинку. – Твой антисоциальный друг...

– Нейт, – вставила Делейн.

– ...сказал, что стена с именами – это предвестие приближающейся смерти. Это может быть связано. Ты узнала в списке кого-нибудь?

– Прайса, – призналась Делейн. Его имя застряло у нее в горле, как комок. Она не хотела думать о Колтоне. Не после прошлой ночи. Она также не хотела видеть его снова – разве что для того, чтобы посмотреть, как он споткнется о свои дурацкие дорогие туфли и упадет лицом в канаву.

– Может быть, он что-то знает. – Маккензи сделала пометку в своем желтом блокноте. – Лейн, ты можешь спросить

его?

– Я? – пискнула она в ответ. – Почему я?

– Между вами что-то есть. – Маккензи не отрывала взгляд от блокнота.

– Между нами ничего нет. – Ужас пронзил Делейн.

– Да нет, между вами что-то есть, – сказала Адья, покачивая кольцо молочной пены в своей кружке. – Вы проводите так много времени, сидя вместе в пустом классе. Могли бы и поговорить о чем-нибудь.

Делейн качнула ботинком под столом, задев голень Адьи.

– Я даже не знаю, как об этом заговорить.

– Легко, – сказала Маккензи. – Ты просто говоришь: «Эй, я видела твое имя на стене с кучей других имен. Есть ли шанс, что кто-то из них был расчленен на куски?» – Рыжая сверкнула глазами и одарила ее широкой кошачьей улыбкой. – На самом деле ты можешь практиковаться прямо сейчас. Прайс уже на подходе.

– Что? – Делейн замерла, опешив. – Ты способна его ощущать?

– Да, – сказала Маккензи. – Я вижу его своими глазами. Он только что прошел мимо окна.

Дверь широко распахнулась, зазвенели колокольчики, и через порог ворвался прохладный ветер. На приветственном коврикe стоял Колтон Прайс, вокруг его горла был дважды обернут клетчатый шарф цвета табачного листа. Его щеки порозовели от холода, волосы потемнели от дождевой воды,

и – что было самым тревожным – он смотрел на нее.

Маккензи начала собирать свои записи, запихивая бумаги в сумку.

– Пригласи его сюда, – приказала она.

– Я не буду.

– Ты это сделаешь. – Маккензи обхватила руку Адьи и подняла ее на ноги. – Сделай это для своей команды, Лейни-Джейн.

– Подожди, – запротестовала Адья. – Я не допила свой кофе.

Делейн смотрела, как они уходят, паника нарастала, и она подумала о том, чтобы собрать свои вещи и побежать за ними. Прежде чем она успела дотянуться до своей сумки, стул напротив нее выдвинулся, и Колтон опустился на него, холод волнами разливался от него.

– Ты сегодня хорошо выглядишь, – сказал он, растирая руки.

Неожиданный комплимент пронзил ее насквозь. Сглотив, она сделала вид, что внимательно изучает свои записи.

– Я занята.

– Как враждебно, – отметил он. Сегодня Колтон был до невозможности похож на самого себя – все эти строгие линии и четкие углы, рот, будто лезвие, слишком темные глаза. – Ты злишься на меня.

– А ты внимательный.

– Если я извинюсь, это поможет?

– Нет, – заверила она его, – так что не трать свое время.

Он проигнорировал Лейн, подтащив раскрытую тетрадь поближе для проверки. На странице виднелись крылья бабочки свинцового цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.